

Владимир Берязев
«АНГЕЛ РАССТОЯНИЯ»
стихи последних лет

владимир берязев

АНГЕЛ РАССТОЯНИЯ

стихи последних лет

Издательство Руслана Элинина
Москва
2009

ББК 84Р7-5
Б 35

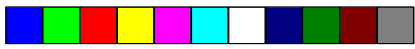
Составитель Павел Крючков

Берязев В.А.

Б 35 Ангел расстояния. Стихи последних лет. — М.: Издательство
Руслана Элинина, 2009. — 208 с.

ISBN 978—5—8628—047—6

© Берязев В., 2009
© Савин В., оформление, 2009

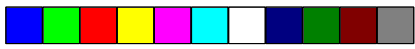
ПРЕДИСЛОВИЕ

Писать стихи в посттоталитарной России — после великой Криминальной революции — занятие неблагодарное. Не чувствуешь отклика, ощущение, что все заняты «другими делами», что, несмотря на литературный девятый вал, нет в современной литературе (а шире — культуре, жизни) чистоты, прозрачности, искреннего культурного аристократизма. Все замутнено мировоззренческой невнятицей и словесной необязательностью. Да и спонтанности тоже не хватает — поэзия в целом выглядит как с усилием выжатая из тюбика паста.

На это накладывается и общий кризис поэзии в «мировом сообществе»: настоящее искусство вымывается из технотронной цивилизации...

И все-таки не писать — нельзя: когда есть вдохновение, дуновение, веяние (любимое слово Аполлона Григорьева), дар Божий.

Им наделен — и вполне щедро — Владимир Берязев. Стихийность (не случайно Павел Васильев — из числа его любимых поэтов) Берязева выверена поэтическим мастер-

ством, в его поэзии много жизни. Пожалуй, я сравнил бы ее с лирическим миром покойного Евгения Блажеевского: пафос и лиризм находятся здесь в непринужденной стихийной спайке. Это поэзия свежая, незакаменевшая, незабронзовевшая в самолюбовании и самозначительности. Правда, иногда ее энергетика переходит в «нахрап», но, слава Богу, намного чаще хороший вкус не изменяет поэту.

Как Россия прирастает Сибирью, так и поэзия ее центра прирастает сибирскими литературными самородками, в той или иной степени отшлифованными культурой. Кислород поэтического мира Берязева — ей в помощь.

Юрий Кублановский.

3 декабря 2007 г., Париж

«Я вернулся, я вышел на старый путь...»

* * *

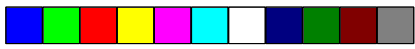
В пимах, в полушубке раскрытом
И простоволос
Я выйду к ветлам и раkitам
На зимний откос.

Столпы вертикального снега,
Как души и сквозя,
Восстанут от неба до неба,
А глуше — нельзя...

Ни тише, ни выше, ни ближе.
Но можно — светлей.
Скрываются белые крыши
В распахе полей.

Восходит как бы по ступеням
В белёсый зенит
Безмолвия снежного пенья.
И сердце — звенит.

Пуховые две рукавицы,
Подобье ковша,
И родина, словно синица,
Лежит не дыша...

* * *

Грошика, медного грошика
Недоставало душе.
Прожито, всё уже прожито,
В опорожнённом ковше —
Только слезинка заветная,
Долгой любви исток.
Где ж моя денежка медная?
Что ли опять на восток
Катит сиротской дорогою
В сторону щедрой зимы —
Меж алтарём и треногою,
Мимо сумы и тюрьмы.

* * *

На берегу обезлюденном
Ставит силки птицелов.
А в поцелуе полуденном
Плавится олово слов.

Через соломинку выпита
Золотоносная мгла,
Та, что в иероглифе выбита,
Та, что в Байкал утекла.

Та, что купальским цветением
Испепелила меня,
Негою и володением
Накрепко обороня.

Вот она, верная иноходь!
Вот и сияет сама —
Влажного вдоха и выдоха
Живородящая тьма.

И торжествует, и властвует,
Пламенна, словно Грааль,
Вечною радостью радостна,
В Божию свита спираль —

В этом струенье нефритовом,
В перетеканье начал,
В ритме биенья открытого
Плавной волны о причал...

* * *

Ты купишь мне цветущий цикламен,
Взамен любви и нежности взамен.

Зима настанет, долгая зима,
Но мы сумеем не сойти с ума.

Сегодня снег и завтра тоже снег,
И сумрак не кончается вовек.

В ночи — горящий город над рекой
Окутан то бураном, то пургой.

Но этим снегом с четырёх сторон
Наш старый подоконник озарён.

И стынет чай. И плавится лимон.
И видит сон премудрый Соломон.

Я вижу сон, ты тоже видишь сон,
И песнею истаивает он...

Как странно жить в эпоху перемен —
Взамен любви и нежности взамен.

* * *

Меж рам заплутавшая муха
Жужжит веретёнцем седым...
Пряди же молчанье, старуха,
Пылящим лучом золотым.

Махровый закат георгинов
С печатью морозного сна...
Инкогнито, ложе покинув,
Смётся, а дама бледна.

Но — кто она? Плачет Арахна,
Все сети по ветру летят.
Пора, но, помилуй, как рано,
Ещё не осыпался сад.

Ещё... Но в обугленных грудях
Уж нет и подобия грёз,
Ах, сударь, всё это всерьёз!

.....

И осы в картонных сосудах
Погружены в анабиоз.

Все улы укрыты в омшаник,
Все угли уснули в золе...
Тишайшая осень. Лишайник
Пылает на голой скале...

АРИСТЕЙ

*Некоторые говорят, что Аристей из
Проконнеса, прибывший из страны ги-
пербореев, был учителем Гомера.*

Страбон (I, 2,10; 14, 1, 18)

Гипербореец обучал Гомера —
Гласит молва.
Степи и звёзд сияющая сфера,
Ковыль-трава,
Пространство пожирающие кони,
Судьбы кудель,
И песня о прекрасном Аполлоне
У храма Дельф.

О, кто б ты ни был — ветренный хозяин
Златой стрелы,
Чей дух постиг эфир неосязаем,
Кто тело мглы,
Как трассером, поэзией пронзая,
Прошёл сквозь мир,
Чтобы живую музыку глотая,
Ахейских лир
Запели струны, скифии не помня,
Алтая вне!
Восстал чтобы другой, героям ровня,
Слепой вполне!..

С тех пор летит стрела, летит, грохочет,
Грозя-свища!
Сверкает, чудодействует, пророчит,
Родню ища.

* * *

Если есть под рукою песок и зола,
Мы отмоем чугунок до бела.

Если есть под ногами зола и песок,
Два полена и хлеба кусок,

Значит будет очаг и шурпа в котелке,
Ветер в кронах и снасти в реке.

Будут к пламени ластиться пепел и мгла,
И снова разговор игла...

Снова, заново, слышишь, покуда в золе
Тлеет уголь на этой земле!

ПЕСЕНКА МАМЕ

Ничего не говори,
Ничего.
Мы уедем на покос
С ночевой.

Под клубнику мы возьмём
Два ведра
И гармошку, чтобы петь
До утра.

Пусть в сельпо голым-голо
И учёт.
Мама сладких пирогов
Напечёт.

Мама будет хлопотать,
Провожать.
А мы будем всякий раз
Уезжать.

Годы стронулись — цветной
Хоровод.
Мама, я уже не тот,
Да, не тот.

Рукавицы распусти,
Не латай...
Ведь Кузбасс уже не твой,
И Алтай.

Там, в Тавриде — край земли,
Моря край.
Я прошу тебя, прошу:
Не хворай.

Лишь бы мог я, воротясь,
Сгоряча,
Прислониться до родного
Плеча.

* * *

Не сочиняй, не придумывай, просто смотри
в тёмную воду, на углей багровое тло,
вместо Вергилия выбери в поводыри
это течение, это мерцание, это тепло.

Так погружаемся... Так, хронотропную мглу
одолевая, мы видим пустой Назарет:
пыльная осень, Мария стоит на углу
возле арабской кофейни с ларьком сигарет.

Скоро декабрь. Живот, как большая луна,
полон, огромен и перевалил через край,
переждидай светофор, молодая жена,
ангел, храни тебя крепко! и ветер, играй

то ли хиджабом, не вижу я, то ли платком,
вот поплыла, понесла сокровенный сосуд,
все оглянулись... и замерли, и тронуло холодком,
через перекрёсток

надежду последнюю
нашу несут.

В ГОРАХ

I

Верю, всё подвластно Слову,
Гром его десятибалл.
Ты ли дал Творенья мову?
Ты ли говорил Иову?
Ты ли горы создавал?

Вздыблен до великолепья,
Хребтогребен, среброглав
Камень Божьего веленья,
Лик сиянья, храм нетленья,
Сталь молитвы, стон моленья,
Торжества его Устав.

II

Следы Великого Потопа
Ещё видны на высоте —
Террас уступы, русла те,
Что Ледовитого Озноба
Поползновения хранят.

А Ной уплыл на Арарат,
А по террасам овцы бродят...
А всадник едет и поёт,
Кнутом копыта достаёт,
А полдень всё не настаёт...
И ничего не происходит.

* * *

Обнажённый песок,
Как погост затонувшего леса.
Сеть висит на суку,
А рыбак говорит о любви...
Ничего, ничего,
Кроме близости, кроме отвеса
Тальниковых ветвей
И упругого шума хвои.

Сосны клонят вершины
В суровом молитвенном братстве.
Нам бы так потрудиться,
Всю жизнь свою службу служа.
Есть куда вырастать,
Есть, ей-Богу, на что опираться,
И не так ли трепещет
От горнего света душа?..

Не чужой, не чужой
Мир с простым и понятным уставом
Будет мерно баюкать
В смолистом покое дитя.
Отпадёт рычажок
Нетерпенья в рассудке усталом,
Как сухая чешуйка
Соцветия после дождя...

Уж-ж — скользя златоглаво —
Уйдёт в потаённые норы.
Вновь раскидывать сеть
Уплывём на высокий простор!
Вороватые чайки
Закричат, как античные хоры,
Но не надо, не надо... Наш путь —
Сотворение, а не повтор.

* * *

На Большом Яломане вдоль русла лёд,
А вода как жидкий кристалл течёт.

На Большом Яломане, прозрев к весне,
Полыхает багульник на крутизне.

В золотую кольчугу одет Алтай,
Эхом эпоса слышится: «Маадай!»...

В синеву вновь возносятся без помех
Склоны горные — выцветший лисий мех.

Всё случается вовремя, как всегда,
Закипит в клюве ворона кровь-руда.

Я вернулся, я вышел на старый путь:
Оглянуться можно — нельзя свернуть.

* * *

Я уже устал от кока-колы
И мадера мне не по душе,
Старые татарские глаголы,
Как ледышки брякают в ковше.

Ломит зубы воздух полусонный,
В тишину завёрнуты мозги,
Вечера белёсые кальсоны
Ветлами полощет у реки.

— Энкиду! — кричу. — Куда ты делся?
Отчего пустынен водопой?
От меня укрыться не надейся,
Я иду по следу за тобой...

Из Баян-Ульги в сады Буяна,
Где пылает пламенный цветок,
От «Хаванагилы» до Корана
И до лотофагов на Восток.

Смерть уже не месть и не преграда,
Время истончилось, как ручей —
Сон зеленоглазого смарагда
И бряцанье тысячи ключей.

Друг мой, на кругах, на Божьих дисках
Путь любви прописан от и до...
И звезда срывается на дискант,
Где чистым-чиста вода со льдом.

* * *

Где говорят на русском языке,
Там я и буду пить своё sake,
А также араку, вино и брагу,
Поскольку для меня для дурака
Господь не создал лучше языка,
Не затворил целебную корчагу.

Из мухоморов сому я сварю,
Не заплатив акцизное царю,
И, оседлавши жёлтого дракона,
Я полечу, камлая, как Боян,
Через Саян, на море-океан,
Во царство Благодати и Закона,
Где жив ещё пресвитер Иоанн...

*22 мая 2007, Усть-Каменогорск,
родина найманов-несторлан*

* * *

Утробное ничтожество моё...
В полудремоте ничего не надо,
От забытья тропа в небытиё,
Где снов лукавых светоколоннада.

Ни простонать,
Ни камень отвалить,
Ни песню спеть —
Такая лень и скука.
И на загадку «быть или не быть»
Кивает церковь и молчит наука.

Как паутина, дробные миры
Запутывают выходы и входы.
Таи, душа, живительные соты,
Оукливай молчанье до поры.

КАФЕ «ПУШКИН»

Обильных мяс осётр с икрою несравненной
И стерляди янтарная уха,
Паштет гусиный, зелень, потроха
Каплуны, вертела с телятиной отменной
И — рюмка горькая с полынной синевой
Под ароматы паровых форелей,
Приплывших из архангел и карелий,
Из беломорской дали ледовой.

Ах, архирейский сиг, что жиром истекает,
Разложен на престольном серебре —
Воторженным акафистом горе!
А рядом с ним рубинами сверкает
Наливка клюквенная в гранях хрусталя,
Но, их достоинств мы не умаля,
Всё ж восхитимся мрамором белужьим,
Прозрачностью и розовым окружем
Телес, подобных боку корабля,
Что сотворён таким услады для.

Его икра, как перлы огневые,
Зернисто чёрно-карие, живые,
На блюде — как у девы на груди...

Но погоди, мой друг, не уходи!
Ведь это всё Державин, а не Пушкин,
Победы гром, империи восход,

Снегирь и флейта, слава, ледоход,
Восторга жизни шумные игрушки.

А мы сидим сегодня на Тверском
В том мире, что поэту не знаком,
Хоть он стоит напротив, зеленея...
Моложе нас, но всё и вся успел.
Он нашу муть навряд ли бы воспел,
Увы — ни Бонапарта, ни Энея,
Ни Гришки, ни Бориса, ни Петра,
Лишь гоблины...

Пора, мой друг, пора
Нам поклониться этому подножью,
Своё храня... Уже не проклинать,
Но также — и любить, и вспоминать,
И плакать, положась на волю Божью.

*8 апреля 2008,
Тверской бульвар*

«И я мелькну над радостным покоем...»

* * *

Рахмат — судьбе, а времени — welcome,
Скажу, однажды выйдя на балкон.
Ты кроною уже отшелестела,
Любезная, как роща, жизнь моя,
Но непривычно кошке без жилья,
Не по себе — душе без тела.

И замолчит мобильник за спиной,
И позабуду о стране иной.
Где лишь дела, события, заботы
Да суета... А колокол звенит,
Зовёт тебя, монгол, еврей, суннит,
Германо-галл — не важно кто ты.

Простимся, спутник! Или спутеллит?
Похоже, что без нас уже делить
Наследницу Потопа, Антарктиду,
Народы станут... Шибко не горюй,
Оставим на ступенях поцелуй
И помолчим — хотя б для виду.

Я много путешествовал. Земля
Без мусора, по правде говоря,
Без нас, — куда разумней и прекрасней.
И, Боже мой, какие небеса
За каждую излучиной и за
Звездой крестообразной!

* * *

Бродить средь скал
И облаков,
Искать следы
Былых веков,

Чеканки каменной
Зерно,
Родов пропавшее
Звено.

И звон камней,
И топот коз...
Здесь только кости
И навоз.

Быть с этим небом
Заодно
Нам и дано,
И не дано.

* * *

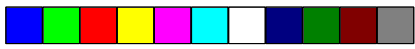
Чёрные птицы над Обью.
Трубы дымят.
Образу или подобью
Равен закат.

Зимнего неба прозрачный
Синь-фиолет.
Арочный и многозначный
Мост-силуэт.

Город у края ночного
В редких огнях —
Сна потаённое слово,
Мрака родня,

Крупно и резко очерчен,
Черен и строг...
Никнет заката свеченье,
Тёмен восток.

Словно владыка пейзажей
Вызнал момент —
Углем и тушью, и сажей —
Рокуэлл Кент.

* * *

Золоторогим пельменем луна взошла над Ильгуменем
И осветила облака.
И, каждое на прежнем месте, головоногие созвездья
Во тьме нашарила рука.

И по отдельности, и скопом мрак недоверчивым Циклопом
Пересчитал своих овец.
В пещере ночи стало тихо. И лишь вздохнула мамонтиха,
Бредя луне наперерез.

* * *

Юрию Шиллеру

А стационарный смотритель
Где-то за Карасуком,
Словно бы давний мыслитель,
Лишь с облаками знаком.

Четверодневной щетиной
Схож со стернёю степной,
Смотрит за тягой утиной,
Клонится тягой земной.

Мыкает рядом корова,
Трогает рогом забор,
Скорый в начале второго
Вздор подымает и сор.

В сини и золоте тая
И сотрясая среду,
Грохот от края до края
Пересечёт Кулунду.

Вздогнет озёр ожерелье,
Птицы замрут в камыше,
И, с непонятною целью,
Станет легко на душе.

Выйдет старик за ограду,
Слушает ветер живой,
Солнце по синему скату
Падает вниз головой.

Счастья не просит у Бога,
Щёку подпёр кулаком...
Небо полого-полого
Где-то за Карасуком.

МАРУСЯ

Торчит рубильник.
Молчит мобильник.
Держись, Маруся, не умирай!
Быть может викинг,
Приедет викинг,
А может даже и самурай.

У самурая судьба такая —
Ему кого бы завоевать.
А ты, на страже родного края,
Ты возле бани, ты у сарая
Его захочешь поцеловать.

И меч отнимешь, и так обнимешь,
И не обманешь его надежд,
И он утонет, как город Китеж,
Холмов величественных промеж.

Во тьме кромешной, в соломе рыжей
Он позабудет про свой позор,
«Тошибы» славу и «Мицубиши»,
Пойдя на службу в Ночной Дозор.

По всей Сибири уполномоча
Себя дежурить, япона-мать,
«Сарынь на кичку!» и «Экимоча*!»
В патриотизме начнёт орать.

* Кайф (япон.)

И он построит, с тобой построит
Всё, что варягам не удалось,
Чтобы работал на всех андроид
И мирно детям везде спалось...

ХАБАРОВСК — МОСКВА, 14 февраля 2007

В плацкарте проводницы расцвели,
Румяные — со швабрами парят...
Им до весны, повдоль седой земли,
Ещё четыре рейса, говорят.

А в тамбуре — морозная пыльца,
Свистит метель в разбитое стекло.
На полустанке твякает с крыльца
Лохматый пёс, устало и не зло.

И лес уже не помнит о себе,
Урал снегами заперт, затворён.
В буранной люльке, в призрачной трубе,
В безвременье качается вагон.

Внутри тепло. И простыни чисты.
И чай горяч. И запах уголька...
И кажется, что только три версты
Отъехал ты от юности пока.

Но — ни фига! Разноголосый люд
Сам по себе — свидетель катастроф:
Китайский щёлк, таджикский перехлюзд
И русский мат летят поверх голов.

Солдат-контрактник брешет о Чечне,
Девушка ему хочет погадать,
Бугай храпит в измятой простыне,
Армянский сосунок мытарит мать.

На полке по четыре, как скворцы,
Китайцы снова жрут свою лапшу.
Шныряют коробейники-купцы.
Немые рады каждому грошу —

Суют под нос иконки, мусор книг.
Старуха с Сахалина прёт икры
Четыре пуда, кижуча балык
И фляжку героина — для сестры.

Палёной водки дух из-под полы
Сочится тихо в глотки северян.
И стужа лижет тамбура углы.
И мгла течёт из незакрытых ран.

Туда-обратно съездил — и уже
Полмесяца смахнуло языком.
Туда-обратно — пахарь по меже.
Туда — Москва, обратно — в горле ком...

И кулаком проталину в окне
Ты судорожным жестом продави:
Ревком в огне, Георгий на коне,
И век уже без мира и любви.

Коловорот, Микула, Николай!
Круговорот и полымя пути!
Из края в край, на Ирий или рай,
Пускай ложатся рельсы впереди...

МЕСТОИМЕНИЕ

Летуча тень плывущего листа.

На дне ручья, как в солнечном загоне,
Рябые зайцы скачут... или кони...
Однако всё же зайцы. Неспроста
Они — то врассыпную, то затихнут,
Лишь тельца золотистые дрожат.
Под ними мхи и камешки лежат,
То затаятся в сумраке, то вспыхнут...
Как лёд ветвей, чуть слышно и светло
Позванивает быстрая водица.
И вторит звуку сытая синица,
Расчёсывая клювиком крыло.

А лист плывёт, а тень его скользит
По дну, по дну, как лёгкое затмение.
Лишь гордое собой местоименье —
Тоской сквозит.

Я думаю об инобытии,
Где солнечные ангелы толпятся,
Где нам с тобою суждено расстаться,
Где Дух Святой течёт, а не ручьи.

Вот так — листом берёзы на волне —
И я мелькну над радостным покоем...
Хотя бы тенью, — сбудется ль такое?
Душа моя, напомни обо мне!

РЕТРО-ПЕСЕНКА

В катафалке лаковым
Кукольный театр
Едет, едет на гору,
На гору Монмартр.

Всё забыто, забыто,
Всё сошло на нет,
Катафалка за бортом —
Глупый белый свет.

А в гробу — художники
И поэтов рать,
Музыки заложники
Едут умирать.

Пьёт Пьеро на жёрдочке,
Пляшет Арлекин,
И поёт мажорное
Выводок Мальвин:

«Будем славить естество,
Молодость и прыть,
А искусство-мастерство
Станем хоронить!»

Эту бесполезную,
Пагубную страсть
От богов, из бездны ли
Выдалось украсть.

Нам не нужно творчества,
Нам довольно тьмы,
Имени и отчества
Не имеем мы»...

Льётся, льётся песенка,
Клоуны поют,
Катится процессия
И литавры бьют.

Только вера верная
Им даёт отпор —
Сердце сокровенное,
Церковь Сакре-Кёр.

*15 августа 2005,
Новосибирск*

* * *

Поздно, братец мой, мне быть альфонсом,
Скоро душу в ночь соборовать...
Разве мало под луной и солнцем
Места и любить, и горевать?

Нежности корыстной не приемлю,
Ни жене, ни власти не должен.
Перед небом этим в ту же землю
Я уйду... А кто бы возражал?

Здесь, клонясь во брани невозможной,
Ранен я, но не сошёл с коня.
Громыхай карета жизни пошлой
Мимо недобитого меня.

Есть ещё у Господа приюты.
И стихи у ангела в горсти.
Есть ещё оставшие минуты
Мне по-русски их перевести...

* * *

О. С.

По Телецкому озеру
рябь, рябь.
А по гребням и скалам —
туман, туман.
Проступает из воздуха
дождь-хлябь,
Да курится за мысом
гора-Шаман.

Где стеклом вулканическим
гладь вод,
Чёрным-чёрного зеркала
глубина,
Словно лоб запечатал мне
хлад-лёд,
А душа и не знает
о дне дна...

Переплыть, переплавиться
след в след
За алтайской наядою —
ждать, жить! —
В ту страну, где не ведома
власть лет,
И в двойном одиночестве
знать-быть...

НА ДЕБАРКАДЕРЕ

По дебаркадеру окурок катится,
И зной полуденный, и ветерок,
Ты канарейкою в лимонном платице
Сидишь, любишься на катерок.

На белом катере от дебаркадера —
Оно, пожалуй бы, куда с добром.
Да, да, сударыня! Но надо к матери —
В усадьбу летнюю, через паром.

У дебаркадера на дутой камере
Шпана купается — наперекрик.
Ты погостишь денёк, тепло пока ещё,
И в город каменный — на материк.

Из джипа старого поёт Макарова,
Там Пивоварова — а la шансон,
А баба шалая с причала ржавого
Торгует рыбою второй сезон.

Постой, порадуйся и с дебаркадера
Окликни солнышко, пока-пока,
Пускай в луче его перекликаются
Ладони, локоны и облака.

СИНИЧЬЯ СМЕРТЬ

От ветродуя, стужи, голодухи
Синица залетела на чердак,
Где по щелям в анабиозе мухи
И кавардак.

Проверила опилки и стропила,
По балкам пробежала, по жерди,
Где всякий хлам висит, и позабыла
Бояться... И запуталась в сети
Рыбацкой...

Это странное заделье —
Из ячеи капронной выбирать
Не плавники, а коготки и перья,
Синичий пух по воздуху пускать,
Подобный пеплу...

Думать о прощанье,
О море том, что всё ещё горит,
О женщине, о давнем обещанье —
Оно мне вновь о счастье говорит.

«А я любил и плакал о судьбе...»

* * *

Чурай, душа, червовой страсти миг,
Беги, беги, покуда не устанешь,
Пока не сладишь серыми устами
Запечатлеть новорождённый крик
Свободы, совершившийся меж нами.

Ты тщетно прикрывала устье рек
Ладонями,

отталкивала пламя...

Но пал барьер стыда между полами,
И языки лизали влажный снег,
И лишь стихия правила телами.

Тот звук древней, чем память о тебе,
Так пел варган под сводами пещеры
Ещё до нашей и не нашей эры.
А я любил и плакал о судьбе,
Что оказалась щедрою
без меры.

* * *

О, период нежнейший, беспмятный, моретворящий,
Говорящий на том языке, что ещё не осознан,
Не окуклился в зёрна икринок — словесных и плодотворённых,
Что серебряным облаком взвихрили сон задремавшего бога...

О, сонорные волны и мелос виртуального снега,
Душу вы забелите мою, в антарктической бездне укройте,
Чтобы заговорила, поднявшись из тысячелетнего плена,
Инфузория-туфелька смысла — и весело, и лучезарно!

ИЗ КИРШИ ДАНИЛОВА

песня

Во сибирской уkraine,
На Алтайской стороне
Я люблю... а ты отныне
Будешь помнить обо мне.

Никакого приворота,
Никаких таких чудес,
И не слава,
И не мода,
Не пиковый интерес,

Не молва, хулы служанка,
Никака тоска-печаль,
Не богатства самобранка,
Не поэта фестиваль...

Нет, ни то, ни даже это
Для любви не указ.
Ширь и радость бела света
Ей как в самый первый раз.

Вновь, своей не зная силы,
Я пускаюсь в дальний путь!
Из-за моря, из могилы
Ты меня вольна вернуть.

Окликаньями твоими
Полон вьяве и во сне —
Во сибирской украине,
На Алтайской стороне.

* * *

Колодезного холода бадья
Покой переплеснёт через края

Так, что утихнет ветер в голове
И не растает иней на траве.

Тропа моя окажется пуста.
Душа моя покажется чиста.

И красные осенние кусты
Осыплют на ладонь свои листья.

Как сладостно струится жизнь моя
На грани сна и полузабытья...

Как тихо исчезает жизнь моя,
Как птичий след по краюшку жнивья.

ДЕРЕВА В ОБЪЯТЬЯХ СНЕГОПАДА

Деревя в объятых снегопада,
Деревя,
От Оби до Хладокомбината —
Глушь и марева...

Лабиринт снегов нерукотворный
И души
Обмирает, в Господу покорной
Пустоши.

Выстужена до преображенья
Родина,
В жертву для любви-богослуженья
Отдана.

Вот оно, усилие полёта...
Выпротай
Душу из пурги круговорота
И растай,

И останься, чтобы по сугробам
Выбрести,
В ожиданье милости за гробом,
Милости...

* * *

За дощатой, просящей пощады,
За подпёртой с обеих сторон
Древоколем, за старой оградой
Мы сидим на крыльце впятером.

У соседа скулит кобелишко,
На решётке шипит барбекю,
И на пару Саврасов и Шишкин
Опрокинули по коньяку —

За ворон на изломах забора,
За репейно-овечье руно
И за охру закатного бора
С тучей розовой, будто вино.

С ними вровень дорогу осилив
И нашарив гармошку в сеньях,
Запевают Рубцов и Васильев
О гнедых и соловых конях.

Зернью росною клонятся травы,
Вдоль отечества стелется дым,
Поднимаются от переправы
Вечер вместе с туманом густым.

И какая-то тля золотая
Пьёт по капельке душу мою,
Чтобы, вместе с друзьями рыдая,
Замерла она вновь на краю...

* * *

П. Крючкову

Не журишь, Емеля-дуралей,
Поезжай, Емеля, на Алей!

Заживёшь от мира вдалеке
На Алее — медленной реке.

По степи течёт она, течёт,
Переправы всё наперечёт.

В омутах — то щука, то карась.
А назавтра — тоже, что вчерась.

Там быки гуляют без портов,
Всё хвостами хлещут паутов,

По утрам сороки просто так
Брешут — хуже радио «Маяк».

Каждый житель знает что по чём,
Пузо чешет солнечным лучом,

Мёдом запивает огурец,
Сам себе — натура и творец.

На тебе, Емеля, кочергу,
Чтобы разгонять метель-пургу!

На тебе! — и сани-полоза,
Дабы жить без хода колеса.

По зиме ты проруби руби,
Божие веленье полюби...

И храни, как смертное бельё,
Дуракаваляние своё.

*29 августа 2008,
дорога Змеиногорск-Барнаул*

* * *

Наливала стакан молока,
подавала беляш золотистый,
было около так сорока
ей, наверное, или слегка
за... неважно,
уже ничего
не поправить, не выплакать, не
возвратить.
Но смеются глаза,
но подружки из-за прилавка
ей кричат: «Гульчатай, не робей!»
И спующих у ног голубей
распугав, она сдачу считает...

Боже мой, это всё неспроста!
Затаилась её красота,
ожидает чего-то, кого-то...

Так и есть, дальнбойщик хамит,
федеральная трасса шумит,
свищет пламя черёмух с обочин,
джипы, фуры, автобусный люд,
шорох денег и жизни салют,
и проезжего долгие взоры.

Бог на небе.
Любовь позади.

Что поделаешь, сам посуди,
карусель не имеет начала
и конца.

Я рукой помашу,
я архангелу всё расскажу,
пусть поплачет о ней,

пусть поплачет...

ДЕВУШКА С ПЛЕЕРОМ

Четыре серёжки,
четыре серёжки
и плеера сереброклювый жучок
у капельки-мочки,
чок-чок,
за маской молчанья,
чок-чок,
тимпаны звучат
и бьют барабаны, звенят колокольцы,
мелодия-змея-свирель
струится под сердце,
о чём?
о чём ты задумалась рыжая чёлка?
автобус над Обью несёт,
и краны, и трубы,
пролёты и баржи,
и вешние воды,
и прежние марши,
и всё это мимо, и наше, и ваше,
и ты — на виду и одна —
поют перед юной душой, не робея,
Земфира, Цезария и Пелагея,
а в небе лабаёт весна
за ради неё!
обломайся приятель,
она —
прозрачного мрамора розовый кратер,
звучащая раковина...

* * *

Ангел мой...
Оттепель, таянье,
Слепну на синей меже.
Тайная область свидания
Не достижима уже.

Но, погоди, не загадывай,
Не торопи, не шути!
В звёздной дали мириадовой,
Там, далеко впереди —

Где-то за мартовским маревом,
То ль на трамвайном кольце,
То ли на солнце миндалевом,
На воробьином крыльце

Встретимся, ангел полуденный,
Встретимся, милая, мы!..
Флейтою, зябкою лютнею,
Как из бродяжьей сумы,

Душу поющую выну я,
Чтобы звучащим лучом
Тонкую нежную линию
Сделать письмом...

ни о чём.

* * *

Мягие, вялые, тёплые губы,
Как у Неёловой в юном кино...
Что, безлошадному, мне до Гекубы?
Что я Гекубе? Вот то и оно.

Дырка от бублика пахнет морозом.
Солнце калашное слепит в упор.
Небо снега залило купоросом,
И с оптимизмом уже перебор.

Ласково катит автобус, автобус.
Лапкою, лапкою машет сосна.
Ногу свело до подмышек, а то бы
Крикнул: «Айда на моя сторона!»

В варежке смех утаился пуховый,
Не оглянулась и села в такси.
Я ли дурак? Или мир бестолковый?
В Yandex'e у Интернета спроси...

* * *

Кошки серы. Музы глухи.
Сумасшедшие старухи обирают лопухи.
У пивнухи «Бабы слёзы»
Рыжекудрые стрекозы кормят бомжика с руки.

Девка с фейсом Умы Турман
Стеклотарю по урнам пробавляется слегка.
А сирены воют, воют,
Крутят синей головою, мчатся к чёрту на рога.

Всё обычно. Всё как надо.
Мимо Кировского сада ты без нужды не ходи.
Это вечная морока,
Бога ради, ради Бога — не осужден, не суди.

Будет вечер, будет утро.
И разводы перламутра, и заутрени трезвон...
Бьёт крылами вещий город. Подними повыше ворот.
Новый день — как новый сон.

ВОСПОМИНАНЬЕ ОБ ЭДВАРДЕ МУНКЕ

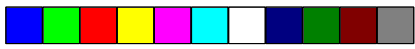
Где-то щенок рыдает,
Плачет до хрипоты,
Воем переживает
Запах чужой беды.

Мне ли тебя не слышать,
Сердцем не обмереть?
Злее, надрывней, ближе,
Горше ещё на треть...

Так ли (когда любились)
В судороге слепой
Слёзное тело билось
Тенью перед судьбой?

Скулы, колени, локти
В глубь материнской тьмы
Спрятать бы! Мы оглохли
В лапах земной тюрьмы...

Это такая мука —
Пестовать пустоту.
Это варяга Мунка
Обморок на мосту.

* * *

Парусами сизыми сырыми
Два дождя уходят по воде.
Паруса дождей...
А имя, имя...
Имя дня?..
Ильин сегодня день.

Спас медовый... Господи, не помню,
Завтра?.. Завтра будет меда жбан.
Хорошо, разведрило бы к полдню:
Сласть как славно — медом по губам.

Временное летнее спасенье —
Яблоки с орехом на меду.
И преображенье в воскресенье —
Воскресенье осени в саду.

Следом — угасающее пенье
Вечеров над чашами стола,
И плодов блаженное успенье
В чистых слитках плавного стекла.

Света ток сквозь облако тугое
Сном душистым в воздухе висит.
Светлый крест. Лученье покоя.
Только смерчик тропкой колесит.

Все забыл.
А то, чего не знал я,
Вспоминать мучительней всего.
У соблазнов — алая изнанка,
Под изнанкой вовсе ничего.

* * *

Слепок облака в озере парусном.
Словно ветра изнанка — залив.
Даль клубится полотнищем гарусным.
Резь простора. И — неба размыв.

Чем усердней, тем боле бесплоднее
Сеть плетет серебристый мизгирь...
До свидания, лето Господнее,
Исполать тебе, любя ширь!

До свиданья, корчага целебная,
Лепестками засыпана вся...
И любовь, и душа моя пленная,
И моленная света стезя.

Ничего не решается загадя.
И победа — погибельней лжи.
...Разбегаются волны по заводям
От прошедшей за мысом баржи.

Растекаются страхи по комнатам.
Разбивается ветром окно.
Звон осколков и шорох... О ком это?
Да. Но мне... мне уже все равно.

Лишь сквозняк пробегает по памяти.
Лишь глаза цепенеют на миг,
Да скользит по песку как по паперти
От небесного купола блик.

... Где очнемся от холода летнего?
Кто простит меня? Просто простит,
Ни спрося ни посула последнего,
Ни напомня про суд
и про стыд...

СЕРДЦЕ-ОБЛАКО

Фонари горят среди бела дня.
Не прости-прощай, а прости меня.

По проспекту вновь я по Красному
Возвернусь к ответу напрасному.

Не ищи меня среди бела дня.
Не прости-прощай, а прости меня.

Я пройду незримо, неслышимо
Сквер, где навсегда стали ближе мы.

Не зови меня среди бела дня.
Не прости-прощай, а прости меня.

Где строка горит — за часовой —
Сердце-облако нарисовано.

Дальше к берегу — ширь небесная,
Золотистая да воскресная.

Воротясь домой, не зажги огня,
Не прощайся, нет, но — прости меня...

«Вот войска мои победные...»

* * *

Мне говорил, рубя берёзу,
Якут весёлый — Аристарх:
«Мосты таят в себе угрозу,
Толпятся бесы на мостах».

Берёза рухнула как надо,
Ещё одна легла за ней,
И — жердей сто четыре ряда,
И — лёг мосток через ручей.

Я шёл, а жёрдочки упруго
Качались, и шумел овраг.
Я думал над словами друга:
«Похоже, так. Похоже, так».

Зачем над белою стремниной,
На высоте, меж берегов,
То прыгать, то орать дурниной,
То восхищаться ты готов?

Какой напряг, какие токи,
Как будто вольтовой дугой,
Два мира — низкий и высокий —
Соединяют над рекой?

И шепчет *кто*, и режет стропы:
— А ты бы мог? А ты бы мог?..
И длится запах катастрофы,
И длит безумие прыжок.

Один, один. И мгла, и ветер.
Один — и с блажью, и виной...
И кто тебя однажды встретит
На переходе в мир иной?

*23 августа 2005,
Новосибирск*

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

I

Перед приходом Майтрейи
Вздрыгнул Алтай.

Перелистайте скорее
Полымя тайн.

Освободите скорее
Тайн полымя,

Чтобы из Гипербореи,
Шею сломя,

Словно разгромленных армий
Спецэшелон,

Орды израненных гарпий
Ринулись вон.

II

Перед приходом Майтрейи
Горы строги.

Мерные — слово и время —
С новой строки.

Скалы — в лишайнике алом.
Склоны знобит.

Камень, при входе к мандалам,
Полузабыт.

Ящерокрылой долины
Мелос немой.

И Святогор из былины —
С полной сумой.

* * *

Залив Таманский пепелен и нем,
Ржавеют листья, иней на ограде...
Лишь дрожь и мука желтых хризантем,
Как будто плач и просьба Христа ради.

Безотчий...
Отчего это со мной?
Песок серее самых серых буден.
Нам не уйти от жизни жестяной,
Не так ли, землячок Егор Прокудин?

Мир — без любви.
Сапожник — без сапог.
Эринии вопят как на эстраде...
Эвксинский Понт шумит, как римский полк
Периода военных демократий.

* * *

На диком берегу...

К. Рылеев

Снова коровы ревут.
Утро деревни.
С берега на Умреву
Тарской царевны
Тянется лугом фата,
А за туманом —
Вновь багрянится вода
Над атаманом.

И с Иртыша до Оби —
Тарой, Чулымом
Сколько назад не греби —
В неразделимом
Времени, сердце, огне
Вместе поныне —
В небе, в могиле, на дне,
В алой полыни,
В стане стальном Ермака,
В ставке Кучума...
Всех породнила река,
Родина, дума.

Вновь погружаемся, брат,
Дальный и вольный,
В перепелиный закат,
В пепел окольный.

ДВА ЧЁРНЫХ ВОРОНА

на воссоединение русской Церкви

Порубали воры витязя,
Руки-ноги отсекли.
Сон ему на горе выдался
Про принцессу Айлюли.
Возле камня перепутного
Не проснулся богатырь.
Ни те подвига могучного,
Ни ухода в монастырь...

Ни загула тридевятого,
Ни полёта на Луну...
Вот он, призрак терминатора,
Расчленяющий страну!
Конь с оскаленною мордою
Над тобой призывно ржёт.
Птаха божья воду мёртвую
Тихо в клювике несёт.

Далеко ещё до вечера,
Подымайся, командир!
Чёрный ворон, птица вещая,
Собирает русский мир.
Ворон облика монашьяго
Кости живицей кропит.
Вопреки прогноза вражьего —
Будь здоров, а не убит!

Для чего опять едиными
Стали тело и душа?
Что князья с простолюдинами
Не нашли на дне ковша?
Видно, наша правда-истина
В том, что скоро воевать...
Ты, Европа, не воинственна,
Дай тебя поцеловать!

*17 июля 2007,
Новосибирск*

СКАЗКА

Инда плакал царь Дадон...

Пушкин

После лёгкой эвтаназии
С применением топора,
Я очнулся в сердце Азии
Под трёхкратное «ура!».

Предо мною степь широкая,
Неба синего шатёр,
И девица волоокая,
И сердитый Черномор.

Вот войска мои победные —
Ощетинились во всю,
И я конницей заветною
Бью по вражьему ферзю!

И пленяю хана ханского
Вместе с целою семьёй
У предела Шамаханского
Огромной фузеёй.

Что ж ты, девица-красавица,
Не танцуешь, не поёшь?
На тебя полмира зарится,
А ты горьки слёзы льёшь.

Агамемноны с парисами —
Как на шахматной доске!
А, за дамскими капризами,
Мир висит на волоске.

Верьте мне или не верьте ли,
Доведёте до греха,
Ох, пожарю я на вертеле
Золотого петуха.

Предсказателя-гадателя
Вышлю прямо на Луну,
Потому — люблю Создателя
И родимую страну.

*1 февраля 2006,
Новосибирск*

* * *

На берегу Адриатики
Страны играют в солдатики.

Зрители чешут животики,
Горцев бомбят самолётики.

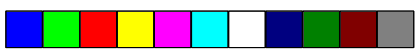
С вашею верою, братики,
Нечего жить в Адриатике.

Еврики платят народики
За «калаши» и наркотики.

В Старом останутся Светике
Гоблины, зомби и педики.

А за любовь к Богородице —
Сербия кровью умоеся.

*29 марта 2008,
Новосибирск*

PARNASSIUS APOLLO*

Он пожаром Трои опалён,
Потому и назван «аполлон».

Розовый, в подпалинах огня,
Разовому времени родня.

Крыл его летучий парафраз
Вспыхнул над поляной и погас.

Он сомкнул их, осязая сон,
На арчине**, снегом занесён.

Книги, каталоги, словари...
Тень свою поэту подари!

В этом освещении косом
Ты, как нежный эрос, невесом.

Украдут жену, пророк умрёт,
Откочует в Азию народ,

Там, где ничего не залатать,
Будет только бабочка летать.

* Разновидность бабочки

** Можжевельник (*алт.*)

Будет только бабочки крыло
Помнить всё, что верило и жгло...

Ну, а ты, одноимённый бог,
Не сберёг ты город, не сберёг.

ЛУКОВКИ

*Купола в России кроют чистым золотом —
Чтобы чаще Господь замечал.*

В. Высоцкий

Купола церковок у царя Салтана,
Окропляя их святой водой,
Нынче покрывают окисью титана —
Яркой чешуёю золотой.

Раньше в Лукоморье, на краю России,
Луковки, нарядные зело,
Крыли лемешками из седой осины,
Чтобы отливали в серебро.

Плавали над волей злато-хлебородной,
Словно в белой зерни, купола.
Деревянно-звонной, дивно многоводной
Вера православная была.

Но не иссякаем свет небесной влаги
Даже в помрачении тюрьмы,
Даже в обезглавном городе-бараке,
В оцепленьи холода и тьмы.

Даже в преисподней пепельной и мгlistой,
Пропasti народа и казны,
Там, где главный идол у стены кремlistой
Созерцает ядерные сны.

Нет, не иссякаем облачно текущий
Силы животворной Иордан,
Тот, что нам навеки вещью и сущей
Верю доверенною дан.

Теплится сиянье сквозь ракиты росной,
Громыкает ризами гроза...
А металл державный и ракетonosный
Сторожит всё те же небеса.

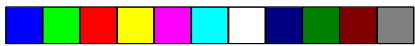

* * *

И след за кормою,
И вкус земляники во рту,
И небо,
И шлейф облаков из-за дальнего леса.
Меняются чайки
На долгом парома борту,
Звено за звеном
Поднимаются с кромки железа.

За крошками хлеба,
За-ради жестокой игры,
В воздушном бою,
На форсаже, на самом пределе!
И крики, и гвалт поднебесный,
И визг детворы,
Как чистая линия,
Тонкая пряжа кудели.

За белою чайкой
Поднимется в небо пацан —
Дворовый пройдоха,
Придумщик, малец конопатый,
Он стал капитаном,
Антошка, Антон, Антуан,
Штурвал на себя, до отказа...
Но только куда ты?

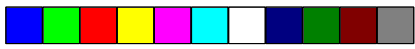
Кудаты, малыш?
Имя Чести уже не в чести.
Пустынна планета.
А звёздам без нас одиноко.
И как без тебя
Будет алая роза цвести
На лиственном склоне
Златого Алтая отрога?..

«И я друзей в корзины собираю...»

* * *

Бахыту Кенжееву

По темпу, по тембру, по трембу ли
В сонорном биении строки,
По холодку укромному — от выдернутой чеки —
Под ложечкой,
По заветренной,
Солёной, как воблы хвост,
Улыбке слегка замедленной,
Тоски и любви внахлёт,
Узнаю тебя...
Хлопцы выкрали
Не яблоки Гесперид,
А то, что над божьими играми
Само по себе царит.

Ты скажешь: «Оно, пожалуй, что —
Не выкрали, а дано
И будет по ангельской жалобе
С позором возвращено
Хозяину». Да, владельцу
Всех благ и даров живых,
Родителю и радетелю
Созданий передовых.

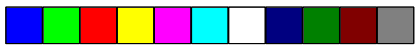
Но племени каина-ленина
Не сделан Большой апгрейд,

Трёхсотое поколение
На грабли, на гроб, на грех
Ступает с печатью эдемовой,
Гораздо своё творить,
Снуют по дереву демоны,
Ветвится слёз алгоритм.

Отнимется, всё отнимется,
Вот только таланта жаль.
Галеры, колхозы, кибуцы,
Алтай или Монреаль,
Реклама на ветхом рубище
И рубище без заплат,
Гноище, пристанище, любяще —
Места, где сам чёрт не брат.

Но, чтобы чего не вынули,
До срока, покуда жив,
Невинную рожу вымою
И вымараю негатив.
Сухой мадеры баллончиком
Залью поэзии чип,
Нищая духом уклончивым
И дурака включив.

* * *

А. Грицману

1.

Андре, Андрюха, Андреас, Андрон,
Не счесть в Нью-Джерси пуганных ворон,
Облюбовали Боинги Манхэттен,

Летят, летят на призрак «близнецов»...
Пора и нам с тобой, в конце концов,
Освободится что ли от запретов?!

Налево — жёлтый дом, направо — ЦУМ.
Пускай ведёт тебя свободный ум
На иглокожий, серый лёд Байкала.

Ступай, не бойся, право — хорошо!
Он крошится, звенит, давай ужо,
Чтоб тело пело, а душа — алкала.

И никакой Аль-Каиды, пока
Свистит щеглом сибирская строка
Над прахом пленных фрицев-самураев;

И в Арктику уходит Синий Бык*,
Как в наркоту взгрустнувший боевик...
И я друзей в корзины собираю.

* Дух Байкала, исполин, титан

2.

Рождественская открытка

Ах, Грицман, мериканский человек,
Почто ты мне не пишешь длинных писем?
Стиль «милитари» или же кубизъм,
В конце концов, предновогодний снег...

Или во славу Божью — полонез,
Исполненный каким-нито евреем,
Роднят нас. Мы стремительно стареем,
Но к жизни не теряем интерес.

Вот, скажем, Буш! Он муж или не муж?
Он на коне, чего и вам желаю...
Я тоже победительно камлаю,
Но скорый крах предчувствую к тому ж.

А ты вотще стремишься убежать,
Сховаться среди гризли и маралов,
Увы, везде хватает генералов,
Но не заставишь — мыслить и рожать!

Я тоже утикаю в Казахстан,
Покушать бешбармака и конины...
Уж коли мы поэзией гонимы —
Поверим души милям и верстам.

Вослед метели в русской стороне,
Я шлю тебе не мессэдж, а Е-мелю!
Пиши, заатлантический земля,
Люби девиц и помни о родне!

* * *

С. Самойленко

Друг задремал,
Головою клонится вперёд
В аэрокресле.
Ну-ка поставь позабористей, первый пилот,
Элвиса Пресли.

Видишь, сошлись
За багровой зари полосой
Сны-океаны?!
Жаль, что не ты меня вёз над байкальской грозой
Через Саяны.

Водка
На десяти тысячах окрылена
И огнепала.
Холст облаков, наподобие мокрого льна.
Ширь без начала.

Шорох пространства за бортом.
Турбины шумят.
Ангелы брешут.
А мы летим и летим,
на закат, на закат
Вдоль побережий.

Нету пристанища в небе,
Поэту кранты,
Но как убитый
Спит он и знать не желает последней черты —
Пьяный и сытый...

*15 марта 2005,
Москва-Париж*

* * *

Ларисе Щиголь

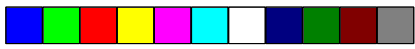
1.

Тыкву потяну за оселедец:
— Славься незалежный огород!..
Будет, будет лету окорот,
Но и снег — не вечнопоселенец.

Стройся, гренадёрская морковь,
По гуртам, картоха, собирайся,
Урожая радостная раса
От вольнонаёмных до царьков,
Все стручки, все клубни, кочаны,
Головы, тела, плоды и грозди —
Ать, два, три — по рангу и по росту
Для оборонительной войны!

А когда проклянется весна,
Или не весна, а что-то вроде,
Я пойму на том же огороде,
Что бессмертна рідна сторона.

2004

2.

Я всю ночь выпивал с богоизбранным братом,
литератором,
он из Нью-Джерси,
он после уехал в Саратов,
на последние деньги, на посошок мы купили немного мадеры,
два флакона, точнее,
я помню,
мы шли сквозь туман, холодея,
говорили о Толе, о Саше, о милой Ларисе.
Я ему про Байкал и Алтай,
он — про женщин из Альпараисо,
про канадского гризли, что забрался ему на ленд-ровер,
про полёт над Афганским плато, не про то, не про то...
Свист винтов и кипение крови...
Мир мелькает, топонимы лишь —
вехи перемещений,
я ему про Сансару, что влечёт нас, как курсор моя мышь,
до прощаний, до возвращений,
в гугле видно — земля, как зелёный ранет,
ближе, дальше,
всё катится по блюдцу... А нас уже нет.
И псалом отзвучал.
В кубик-рубик сложился сонет.
И по-прежнему больно от фальши.
Дальше — больше.

Для женщины прошлого нет,
Бунин или Лонгфелло,
богоизбранный брат, ты не бойся,
ответ —
он не здесь,
здесь остатки мадеры и сонное тело,
что, возможно, поедет в Россию, в Саратов.

.....

Привет!

2007

* * *

Виктории Измайловой

Из подъезда — морозный пар.
Хабанеру
Исполняет сосед Захар
Под фанеру.

Он сегодня дразнил гусей
И ментовку —
Объявлял по России всей
Голодовку.

Но народ голодать устал,
Хочет мяса,
В Думу — беса, на пьедестал —
Карабаса.

Ох, казацкая голытьба —
Любо, любо!
Эх, свобода, гульба, пальба —
Куба, Куба!

Тега-тега, пролётный гусь!
Коба, Коба!
Я вернусь на святую Русь
В лодке гроба.

Я пройду по тропе войны
До маразма,
Я узнаю, что вместе мы —
Протоплазма.

Полечи меня, отлучи
От заботы...
С неба падают кирпичи,
Самолёты,

Шатлы, станции, города
Райских бредней.
Я любил тебя не всегда!
В миг последний,

На морозе, на срезе дня,
Возле бара,
Умоляю — прости меня
И Захара...

* * *

Михаилу Вишнякову

Когда бы не кочевний бег
Да нищета,
Я был бы данником во век
Твоим — Чита.

Но не тягаться мне с судьбой
В мои лета.
Одна под чашей голубой
Лежит Чита.

Вокруг земля на тыщу вёрст
Как дом — пуста.
И стынет звёзд осенний воск,
И спит Чита.

Куда бы не поехал ты —
Кругом тщета,
От Колымы до Воркуты —
Одна Чита.

* * *

А. Радашкевичу

Слог возвышенный исправя
На верлибромадригал,
Кто писать о русской славе
За основу полагал?

Не Херасков, не Державин,
Не Хемницер, не Капнист...
Кто он — радостью заглавен,
Ликом свеж, душою чист?

Кто легко и просветлённо
Муз ведёт в сиянье зал?
Кто — как бы во время оно —
Лиру с трубами венчал?

Кто богемскую бокалой
Тешит слух, пленяет глаз?..

Клио баловень лукавый
И Эвтерпы ловелас!

*11 августа 2004,
Новосибирск*

В ПЕРЕУЛКЕ РЫЖЕГО ПАРИЖА

Юрию Шиллеру

В обществе бомжа и нувориша
В переулке рыжего Парижа
Юную француженку увижу
Где-то у вокзала Сен-Лазар.

И она, как девочка на шаре,
Стебельком нечаянной печали
Выгнется, пока в моём бокале
Алая колеблется лоза.

Фонарей оранжевые крабы
Заполняют города масштабы,
В баре окликаются арабы,
И толпа течёт по мостовой.

Что же мы, бродяги и клошары,
Перед ней бездарно оплошали,
Музыке нежданной помешали,
Спора не прервали меж собой.

Скажут мне: «Очнись». И я опомнюсь.
Оборвётся варварский апокриф,
И глотка томительный апостроф
Растворит заветный силуэт.

И другой поэт или скиталец,
Чукча, нганасан или китаец,
Пусть увидит тот же самый танец
Через много-много-много лет.

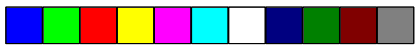

* * *

То ли гарпии, то ли сирены —
Перекличкою стереозвука в мастерской у
Данилы
Выпархивают под потолок
И опять исчезают в компьютерном лабиринте,
И мерцает пустой монитор,
И мерцают картины:
Натюрморты, пейзажи Абрашино,
Женские бедра и шеи
И цветы золотистые
на еще не просохшем холсте...

Этнорок
и камлание птичье,
И свисты листвы изумленной,
Окропленную кровью Орфея,
И каменный шорох Алтая,
И нефритовый ветер,
Поющий о древе желаний,
Отряхающий сакуры цвет
И роняющий плод смоковницы...

Это рок.
Это кроткая гибели поступь...
А воск из ушей вытекает.

* * *

Лидии Григорьевой

Из Лондона, как из подводной лодки,
Уж никуда не денется она —
Простая уроженица Чукотки
И первого татарина жена.

Но ежели ветра Хамар-Дабана
До Темзы донесут зимы перо,
Она забудет зовы автобана
И прелести британского метро.

Ни блеск Европы, ни обманка славы,
Ни дом в районе старого Сохо,
Ни вяз густой, ни клён золотоголовый,
Ни звон бокалов от мадам Клико,

Ни даже муж, который где-то рядом,
Не сохраняют средь роз или зеркал,
Душа, вослед за негой и талантом,
Весенней птицей тянет на Байкал.

Пари, пари! Покуда серебрится
Апрельский лёд у створа Ангары...
Пора, пора нам заново родиться
В пирах морозно-ветреной поры!

Где дружий раж и логово поэтов,
Где всё ещё о родине поют,
Где есть любовь, где не сыскать ответов,
Где Божий дар
 бесплатно раздают...

* * *

Равилю Бухараеву

— Караванщик, караванщик,
Где твой дом родной?

Караванщик, караванщик,
Где предел земной?

Где, печальный караванщик,
Лилия-Зейнаб?

Кто я, хмурый караванщик,
Воин или раб?

Скоро ль ветры, караванщик,
Мой оплачут прах?

Есть ли вера, караванщик,
Сколь велик Аллах?..

— За последним переходом
Дом наш, верный брат.

За Божественным Восходом —
Небо, верный брат.

Красотою мир наполнен,
Сердцем знаешь, брат.

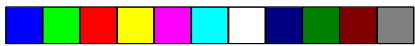
А за низость или подвиг
Сам ответишь, брат.

Судный день лишь Богу ведом,
Обращайся, брат,

Стань вопросом и ответом —
Он воздаст стократ.

*4 октября 2004,
Новосибирск*

* * *

Светлане Кековой

Ёксель-моксель или гоголь-моголь,
Три матрёшки глупых и топчан!
Горя мало, неба — много-много,
И не дозовусь односельчан.

Там, где утром мама мыла раму,
Льдинками рассыпан алфавит.
А Дзеды давно не имут сраму,
Спят себе во гробе возле храма
У седых развесистых ракич.

Этак сяду ночью на крылечке,
Запыляет гроздью Орион.
Всё от Бога, братцы, всё от печки!
И везде, повсюду перезвон.

Оживают нежные созвучья,
Плачьте хором чукча и хасид,
Где лучей серебряные сучья
Древо мироздания трусит.

И язык, как чудище морское,
Восплывает под небесный кров,
Наполняя счастьем и тоскою
Вечное сияние миров.

«Уж коли взял меня в поводыри...»

* * *

Червяк дождевой поселился под стелькой ботинка,
Ботинок лежит под крылечком аки сиротинка,
Крылечко давно от дождей как зола серебреет,
А дождик с подзола небесного сеет и сеет.

Последний паром уплывает во мгlistую осень,
А снежный десант, боже мой, разбивается оземь,
Где вера хранит до пришествия света былого
Разумное, доброе, вечное семя и слово.

Под стелькой, под столькими-столькими сада ветвями,
Под сельскими сводами серыми и облаками,
Под детского лепета — ангела крыл оберегом —
Ещё наградит меня Боже теплом и ночлегом.

А после: куда и зачем — непонятно и немо,
Рябина пылает и ах! мироточит фонема...
Нанижет меня на крючок, благодатью палима,
В печали по рыбьему Царствию — длань серафима.

БЕЛЫЙ СТАРЕЦ

Юрию Кублановскому

I

Как часто ты, придя на Соловки,
Искал следы Зосимы и Луки,
И осязая каменную кладку,
Что коренится в холоде морей,
Воображал, что сам Гиперборей
Ее слагал, как дань миропорядку.

Как часто я, блуждая средь камней,
Под литии божественных теней
Желал коснуться сонного величья
Героев азиатского шатра,
И мертвецы с высокого одра
Мне царственное слали безразличие.

II

И вот мы вместе едем от широт
Полуночных; обителью сирот,
Собак бродячих, бомжиков весёлых,
От мглы губернской, дрязг и толчеи,
Одoleвая тернии ГАИ
И бражничая в подорожных сёлах.

Уже равны в симпатиях — Далай-
Лама и Мирликийский Николай,

Их рядом садит смуглый дальнобойщик
На хрусткий скотч в углу лобовика,
Пока, пока! Дорога далека...
Самса, манты, да лобио, да борщик,

Шашлык-башлык, потом базар-вокзал,
Поди не всё, приятель, рассказал,
Останется до следующего раза.
До перевала — двести пятьдесят,
Как знамена там беркуты висят...
О, трубный звук идущего КамАЗа!

Дорогу невозможно победить,
Но лишь — пропеть! Уже не нам судить,
Насколько долгим будет наше эхо.
Вон белый старец посохом грозит
Кому-то... и по воздуху скользит...
Звезда Монгуш глядит в полы прореху...

III

И скрытный люд по сумрачным скитам,
И казаки, пришедшие к братьям*,
С надежей на Николу Чудотворца
В большом пути, с иконкой на груди,
Молилися: «Никола, огради
От козней — всею силой дивноборца!».

* Так русские называли бурят или северных монголов, откуда Братск.

А северный монгол и тубалар**
Или тунгус, везущий на базар
Вязанку соболей и белоснежных
Песцов, и переимчивый ойрат***,
Все повторяли — розно и стократ:
«То старец наш, спаситель безнадёжных,

Являвшийся в погибельных местах,
Его халат всегда в косых крестах,
Наш белый старец, самый добрый старец,
Кто с ним пришёл, однако, не враги!»...
И возводили храмы казаки,
И съеживался тьмы худой останец.

Свой частокол слагал полуустан
В живую цепь молитвенных застав
Под строгой башней буквицы заглавной.
Дорога открывалась на Восток,
И лотоса небесный лепесток
Был испещрён молитвой православной.

IV

Надменный нрав подале убери,
Уж коли взял меня в поводыри,
Смотри, мой друг, в заведомые дали,

** Ветвь тувинцев в Прибайкалье, современный этноним — тофалар.
*** Общее название тюрков-кочевников, населявших Джунгарию, их потомки живут в Туве и на Алтае.

На вечные долины и гольцы,
Отсюда унесли во все концы
Сынов Адама древние сандалии.

Краеуголен сон начал времён —
То Святогорья тайный пантеон,
Десятки тысяч каменных курганов!
К столпам золотой Прародины взорли,
Сюда со всей Евразии везли
Царей, вождей, шаньюев и хаганов.
Молва гласит о дереве племён,
Под ним сундук неназванных имён,
Что запечатан до конца зона.
От дней Потопа — тризны каждый год,
О сих местах дотошный Геродот:
«Страна могил», — поведал удивлённо.

Вот в эти горы — на Большой Алтай
Является святитель Николай
С заботою о будущем и прошлом,
Пути готовит для Святой Руси,
Прямыми её делая стези
В ядо-кислотном мороке безбожном.

V

Нас настигал, привстав на стременах,
Закат, и в опустелых чайханах
Сошло на нет басовое роенье...
Хребты росли в коралловом огне,

И наши души в колокольной тишине
Опровергали мира нестроење.

Долины золотистый достархан
Остерегал гранитный истукан
С полудремотным взором ясновидца.
Катунь притихла, обнажив порог,
И бирюзы осенней разворот
Бил по глазам, просил остановиться.

Смеркалось. День сгорел — и был таков.
Взгляни на нас, радетель пастухов,
Паломников, бродяг и пилигримов!
Мы расплеснём на дальнем рубеже,
Свирель и рифма в нашем багаже
Да — вера, что поднесь неборима.

Здесь можно необъятное объять,
Лишь эти горы смогут устоять
Под самохвальства гибельным раздраем...
Святитель нам вернуться разрешит,
Ведь мы не хуже тех, кто здесь лежит,
Мы тоже о покое помышляем.

ИЗ ГОРНЯЦКОГО ДЕТСТВА

Утром форточка открыта,
А над нею — чик-чирик,
И синичья звень, и сита
Злато-солнечного блик!

Духа блинного шкворчанье
На жаровном чугуне,
И воскресное качанье
Жёлтых зайцев на стене.

Это масленицы марта
Световая кутерьма,
Где, по-козьему космата,
В клетки топчется зима,

Где сосульки пробивают
Сто колодцев до земли,
Где ещё весна бывает
В ослепительной дали!

Это рыхлые сугробы,
Под которыми вода,
Это рухнувшие гробы
Грубо колотого льда.

Это вынырнув из драки,
Мимо станции Топки
Весело бегут собаки,
Свесив набок языки...

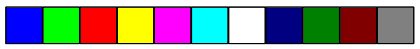

НА ВЕРАНДЕ

На веранде дома деревянного,
от зимы еще не отошедшего,
я слоняюсь — сам не хуже пьяного
грузного шмеля, едва нашедшего
выход из норы, где зимогорами
ждали мы тепла насущного
и — поющей Пасхи над соборами,
и — замены тощего на тучного.

На веранде, светом перекрещенной,
с шевеленьем сора прошлогоднего,
с кучей дров, с извиистой трещиной
на стекле, с остатками исподнего
в банной шайке, с ветхими растениями
на столе, в кувшине, мне подаренном,
я торчу — и глупо и растерянно,
как теленок посередь проталины.

На веранде, сквозняками обжитой,
с верстаком, со стружкой почернелюю,
с кирпичом корчагинского обжига
(из него тандыр, быть может, сделаю)
и с рыбачьей снастью, что по осени
на гвоздях повисла, не разобрана,
я опять ворон считаю до семи
и плюю на все четыре стороны.

На веранде, верю я, на родине,
где за огородами — околица,
где лишь самородной боли отдано
все, что окликается и молится,
где еще побуду я, не призванный,
не прощенный пленник мира данного —
братом, человеком, а не призраком,
на веранде дома деревянного.

* * *

Ещё задолго до Дельфийского оракула,
Во дни Шумера и Амона-Ра,
Мой дух летал на плато Никарагуа,
Вздываясь от алтайского костра.

Я был с друидами на круге Стоунхенджа,
Я гимны пел, я славил звёздный свод.
И в Аркаиме — страждущий невежда —
Я Зороастра слушал у ворот.

Века крушили троны и преданья,
Песнь становилась ветром и ручьём,
Мысль облекалась в морок мироздания,
Затягивая знания быльём.

Но над руиной жаворонок ожил:
Гэсер! Гэсер! — трезвонило с небес.
Сказал монах во тьме: «Помилуй, Боже».
Град пробудился, а гуслиар — воскрес.

Вы, зрячие, не ведавшие чуда,
Сквозь вас течёт сияющая нить,
Чтоб, оседлавши жёлтого верблюда,
Пророк ушёл и умереть,
и победить.

* * *

Весь январь в Сибири минус три,
Отгремели праздника кастрюли,
Отцвело TV. И на гастроли
В город прилетели снегири.

Друг вернулся с острова Бали,
А жена — из нашего Вьетнама,
Из Юго-Восточного бедлама,
С вечеринки демона Кали.

А в России чинят костыли
И уже не ездят на трамвае,
Есть тому основа правовая —
Льготы поменяли на рубли.

Старики, как в море корабли,
Родину покинули навеки:
Белые, родные человеки
Парусами канули вдали.

Только снег. И Бога не моли,
Всё равно идут вослед за нами
Если не проклятья, то цунами
По всему периметру земли.

* * *

Через полночную страну,
Через страну полночную,
Сквозь облачную тишину
Бездонную, бессрочную,

Через поля, через моря,
В серебряном сиянии
Летел, увы, не я, не я —
Мой ангел расстояния.

Летел мой ангел за меня
Изведать дали дальние —
И средостение огня,
И льда первоблистание,

И хлябей пепельную мглу,
И бурь коловращение,
И откровения иглу,
И тайны причащение

Он возвещал мне... И плыла
Под сердцем влага талая!
И мной вселенная была —
Великая и малая.

Через полночную страну,
Через страну полночную
Душой летучей загляну
Во тьму безоболочную.

Туда, где ангела крыло
Мне помавает, светлое,
Туда, где всё уже прошло,
Где будет всё — наверное.

О, будь, мой ангел, милосерд,
Не оставляй старание!
И в космосе, и в ме-ло-се —
Я твой слуга заранее.

И лишь туда, где спит звезда
У Рождества заглавия,
Нас не допустит никогда
Небесная Аравия...

* * *

Анатолию Кобенкову

И вновь собеседника нет у меня.
Один у огня.

Лишь тени толпятся у светлой черты.
Дай знать, если ты!

Я трону до дрожи свой верный варган,
Наполню стакан.

В твоём измеренье стаканы пусты...
Садись, если ты.

Мы будем весёлое пламя качать,
Молчать и молчать.

Мы будем о вещем Байкале скучать
Опять и опять.

Без слов, без насады и без суеты
Присутствуешь ты.

БУДЬТЕ ПРОХОЖИМИ

«Будьте прохожими» — он говорил.
Не оставайтесь надолго
Возле родни, возле милых могил,
Возле любимого дома.

Клонится лето, а путь наш далёк,
Клонятся силы и сроки,
Но не погас золотой уголёк
Там, над зарёй, на Востоке.

Веки смыкаются, но преклонить
Голову негде на свете,
Только любви серебристая нить
Мимо заботы и смерти.

Сердце смиряя, ты не оглянись,
Шаг не замедли, не дрогни.
Светлые ангелы падают ниц,
Демоны злобу хоронят.

Будет душа твоя на небе цвeсть
Чистой звездю-сапфиром.
Галилеянина благая весть
Не умолкает над миром.

* * *

«Над сонным лугом...»

А. Блок

Рыжий коршун круги нарезает,
Ждёт подачи, варнак.
Закипел на костре в палисаде
Котелок... Коли так,
То пора надевать телогрейку
И картошку копать,
Строить вечную узкоколейку
И вину искупать.

Выпей, Павел, корчагу смиренья
И любовь — не суди.
Самурайскую веру боренья
В роднике остуди.
Ведь не в рабстве, не в силе державной
Наша боль и вина,
Но — пред Господом жалью стожарной
Обнажена.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Летел через поле по долгой долине
Оби — мимо скирд и хлебов.
И солнце, как огненный столп Кундалини,
Стояло на слове «любовь»,

Сияло своей вертикальной силой,
И осени первая прядь
По кронам берёзовой рощи сквозила
И в синюю речки тетрадь,

За буквою буква, легко осыпалась
Строкой на глубокой воде,
И облака белое пламя купалось
В иконоподобной среде,
Где синь золотая...

А там, в Палестине,
В пустыни, на древней горе
Свет жемчугом зрелым горел на холстине —
Пречистом Христа серебре.

*19-20 августа 2007,
Новосибирск*

* * *

Не добрался я до Бари,
До Николы Чудотворца,
Ровно двести километров
Через море не доплыл...
Слишком много лозы выпил
С мацареллой, хоботицей,
С загорелым черногорцем,
У стены монастыря.

Там, где гроздья винограда
Заслоняют вход часовни,
Где плита могилы княжьей
И от зноя камень бел,
Там, где дремлют под оливой
Две сестры — война с любовью...

Спите, девицы, покуда
Делом заняты мужи!

*март 2008,
Черногория-Новосибирск*

* * *

Этот дождь продолжается дольше, чем помнит душа,
Это шлёп миллиона икринок по мокрому камню,
Шевеление влажного хаоса снится веку мне,
А теперь замирает на кончике карандаша.

Этот дождь, пеленающий город, уходит туда,
Где лохматые горы укрыты белёсою дымкой,
И стоит Бобырган у реки одиноким владыкой,
И шумит на порогах Катуня живая вода.

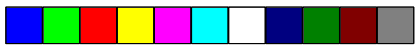
Вот и я ухожу, ухожу, ухожу за дождём —
В ручейках и потоках, в слияниях и раствореньях,
Средь ложбинок и впадин, в излучинах и повтореньях
До заветного русла влекусь непорожным путём.

Где чешуйки, соринки, хвоинки и те лепестки,
Что становятся илом и лепетом золотоносным,
Под диктовку дождя нам за эту жизнь не поздно
Доструить, докатиться до лона великой реки.

Мы с тобою едины, мы — капли, мы — с неба вода,
Мы целуем солёные угли и сполохи пепла,
Чтобы кровь от любви и желанья пылала и слеpla,
И цвела! — круг души замыкая уже навсегда.

БАЛЛАДЫ, ПОЭМЫ, ПОВЕСТИ СТРАНСТВИЙ

БАЛЛАДА О МОЛОДОМ ГЕНЕРАЛЕ

I

Есть за МКАДом лесные уголья,
Там живёт молодой генерал.
У его высокоблагородья
Я намедни слегка перебрал.

Было скромно: селёдка и грузди,
Два графина, брусники бадья,
Сам хозяин — с улыбкою грусти —
И жена генерала, и я.

Всё расписано в русском застолье:
Тосты, здравицы, смех и печаль,
И, конечно, одна из историй,
За которую жизни не жаль.

Ах, Балканы, седые Балканы!
Где от века — война да война...
— Что ж, по новой наполним стаканы.
За тебя, дорогая жена!

II

Я командовал *тем* батальоном,
Что пустился в рисковый бросок

*Тем, что, назло брюссельским воронам,
Югославию пересёк.*

Боевые машины десанта,
Русский флаг и братва на броне!
А под кителем — грудь полосата,
Алягер, мы опять на войне!

Нас встречали вином и цветами,
Нам кричали: — Россия, виват!..
А девушки славянские сами
Были, словно победный парад.

Через горы, цветущие горы,
Где шпалеры лозы золотой,
Где монахов келейные норы
И сокровища веры святой,

Мы промчались под песни и марши
Полям Косова. И за бугром,
Возле Приштины, воинство наше
Лихо заняло аэродром.

Нас в Афгане не худо учили
Слышать запах врага за версту,
Зря пендосы ногами сучили
И кричали: — Ату, их, ату!

.....
.....

Трус не знает ни рода, ни веры...
 Затворили для нас небеса
 И болгары, и румы, и венгры.
 А борта всё ждала полоса.

.....

Там, где Принципы пулей чреваты,
 Глухо ждать милосердья с высот.
 Там, где ангелы подслеповаты,
 Вряд ли снова Россия спасёт.

III

Дух предательства стелется низко,
 Отравляя угаром сердца,
 Словно русская Кэт-пианистка,
 Мы в плену, но стоим до конца.

Обложили — французы, датчане,
 Мерикосы — как бройлеры в ряд,
 И себе на уме — англичане
 Окружают российский отряд.

И не вырвешься, и не поспоришь...
 Лишь албанцы мышкуют своё:
 Им КейФОР и помога, и кореш,
 И живого товара сбытьё.

Где взорвать, где поджечь или выкрасть,
 Где продать человека за грош...

По-холопы — во взрослые игры —
И для Запада будешь хорош!

Наркотрафик — весёлое дело!
Сбыт оружия — тоже бабло...
Хашим Тачи! ты — Нельсон Мандела!
Как же с родиной вам повезло!

IV

Нас мытарили год или боле,
Как умеет лишь еврокагал,
Эту песнь униженья и боли
И Шекспир никогда не слагал.

Никого мы, брат, не защитили,
Не спасли ни ребёнка, ни мать,
И ни храм, ни плиту на могиле
Мы взорвать не смогли помешать.

А погосты росли и гремели
Взрывы чаще, чем грозы в горах.
Воевать мы, конечно, умели,
Только где он — неведомый враг?

Тот ли мальчик в ряках и заплатах
Из семьи о двенадцати душ,
Что готов за ничтожную плату
Верить в самую чёрную чушь.

Та ли девочка, ангел окраин,
 Что пластит волокна в рюкзаке
 И расплакалась в нашей охране,
 Зажимая два бакса в руке.

Эти пыльные сёла албанцев,
 Этот мусорный ветер и стыд!..
 Нищету, что готова взорваться,
 Нам Господь никогда не простит.

V

Джентльмены галанта и лоска,
 Что стоят у беды за спиной,
 Отольётся вам девичья слёзка,
 Детский страх и торговля войной.

.....

Я жену потерял в Кандагаре,
 Когда миной накрыло санчасть.
 С той поры только в пьяном угаре
 Мог на ласки девчат отвечать.

А увидел Айни в окруженье
 Своих скалоподобных бойцов
 И забыл о войне, о служеньи
 И о прошлом, в конце-то концов!

Как рыдала она, как хотела
 Умереть, мусульманка Айни,

И тряслась, и глазами блестела,
Как боялась отца и родни.

Мы в рюкзак ей продукты набили,
Я в конвой отрядил четверых,
И когда они в хату ступили,
У семьи переклинило дых —

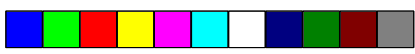
Каждый был чуть поменьше медведя
И с базуюю наперевес.
Я просил передать: вы в ответе
За девчонку — братья и отец.

Если с нею беда приключится,
Не сойдёт вам пластит задарма,
Если вздумает кто сволочиться —
Всем мужчинам кердык и тюрьма.

И смутились они, и поникли,
А старик всё аяты читал,
И склонялся в любви и молитве
В пояс русских солдат — аксакал...

VI

А в Генштабе решили: не худо
Чужедальний поход завершить,
Потому — если ты не Иуда,
Неча вместе с иудами жить.

Нам три месяца дали на сборы,
Чтоб следы замести и забыть.
Ой, вы горы, скалистые горы!
Как же вас не хвалить, не любить?!

Ой, вы горы, скалистые горы,
Где шпалеры лозы золотой!
Где за Божьего сада просторы
Мир готов заплатить кровь-рудой.

Адриатики синяя бездна
И зелёные стены долин!..
И пока никому не известна
Оконцовка новейших былин.

Что там будет — позор или слава?
Кто напишет поэму про нас?
Прощевай же, Европа-шалава,
Так похожая здесь на Кавказ!

Нет, не поздно, родимые друзья,
Изваять золотую скрижаль,
Ту, где память любви и поруки,
За которую жизни не жаль...

VII

А в итоге? Что было в итоге
Знает только сверчок-домосед.
Истекали балканские сроки,
И пора было топтать отсед.

Но случились мои именины
И тайком забродил батальон,
Как умеют армейцы-мужчины —
Заговорщики с давних времён.

Перед штабом все роты построив,
Под оркестра удар духовой,
На крыльцо меня вызвали трое,
Образуя почётный конвой.

И в громовом «Ура!» коридоре,
Шаг чеканя, как перед Кремлём,
Мне бойцы, словно грозное море,
Тайный дар поднесли кораблём:

Это судно библейского сада,
Всё увитое свежей лозой,
В грузных гроздьях ядра-винограда,
Полных солнца и счастья слезой,

Та корзина плодов побережья,
В розах, лилиях — только взгляни!
Только где же я, Господи, где ж я? —
В той корзине сидела Айни...

Эпилог

Это был батальона подарок,
Мне в ауле купили жену,
И купили считай что задаром —
Двести баксов за душу одну.

Я растаял... но принял за шутку,
Мол, отдайте девчонку отцу.
А друзья мне: «Комбат, на минутку,
Эта слава тебе не к лицу.

Как семья была рада калыму,
Как за внучку радел аксакал,
Эту пьесу, а'ля пантомиму,
И Шекспир никогда не слагал.

Нет в исламе дороги обратной,
Нам её не вернуть, командир,
Для расправы отцовской и братней
Можешь гнать, но — позоря мундир.

Ты для них выше графа и князя,
Ты прославишь их землю и род,
Дар Аллаха прими, помоляся,
И с женою в Россию — вперёд!

Мы же видим — мила и желанна,
Да и жизни ещё не конец,
Завтра крестим её, станет Анна,
И, ещё помолясь, — под венец».

.....
.....
.....
.....

Ах, Балканы, седые Балканы!
Где от века — война да война...
— Что ж, по-новой наполним стаканы.
За тебя, дорогая жена!

*Февраль— май 2008,
Черногория—Новосибирск—Абрашино*

СОГЛЯДАТАЙ

I

Кто мраку отхлебнул, тот о себе
Узнал поболее иных непосвященных...

Не пей до дна...
А тени холодны.
А за тенями тени, снова тени.

Кто наблюдал рождение родника
в толкании, в биении сердечном,
тот помнит эту тайну тишины —
из тьмы сырой земли, из тла, из почвы —
ток жидкокристаллический. В нём дух
живой. В нём только истина и холод —
течёт, течёт... А ты — давным-давно —
лежишь на кочке дёрна мальчуганом,
вниз головёнку свесил, всё глядишь
на дно, следишь былинки и песчинки,
что родничок тихонечко клубит,
ключ что-то говорит тебе... Ледышка
под ложечкою тает, и щемится
от страха сладко сердце.

Большой страх —
распахнутый колодец. Или погреб.
Иль пыльное мерцанье чердака.

Повсюду кто-то есть. Повсюду кто-то...

Повсюду — кто?..

Лишь взрослые дела
закрыли эту чакру ожиданья,
ты более уже не духовидец,
из света в тень забыл перетеканье,
забыл полёта дрожь и свист паденья...
Но не совсем.

II

В античной простоте
так много было детских откровений,
был мир прозрачен, перенаселён
соседними твореньями — дриады
и nereиды мирно хлопотали
в священных рощах,

мудрые кентавры
хранили эпос древних теогоний,
сатиры виноградную лозу
оберегали для дионисийских
веселий необузданных. Сулили
для смертных эти праздники свободу
от тесных уз телесных...

Но, увы,
ирония — безверия сестрица —
и эллинов сгубила. Голоса
природы отступили, замолчали,
лес и ручей, гора и луговина —
всё перестало быть одушевлённым,

пенаты отвернулись от своих
былых любимцев.

Но осталось место,
верней, страна — отдельная планета:
в горах от Иртыша и до Байкала
ещё живут герои древних саг.
И каждый камень там вочеловечен,
и дерево, и горная вершина,
над очагами молятся хозяйки
и тёсей¹ не пускают на порог.
Там всё точь-в-точь как было при Гомере,
там я встречался и с его потомком,
там за тобой всё время наблюдает
через своих посланцев Хан-Алтай.

III

В глуши дремучих гор, у Карагема,
чей вал грохочет, как сарлычье стадо,
чей вал быком ревёт в теснине моста,
биваком стали мы у тополей
прибрежных. А над нами нерушимо,
как гребень звероящера зубчатый,
отрог хребта пролёт, в его подоле,
в семидесяти метрах от реки,
на высоте пологой возвышаясь,
как два щита, две каменные чаши,
торчали гордо груди богатырши,

¹ ду́хов (алт.)

что в гору погрузилась с головой,
а ноги ей река замыла щебнем,
по бёдрам же дорогу проложили,
и только два сосуда полновесных
нам старый миф оставил напоказ.

Те груди были местом поклоненья
и почитанья. Предки завещали,
что попусту нельзя здесь появляться,
кричать, шуметь и бражничать — ни-ни,
табу! Но наша цель была — рисунки,
петроглифы, творенья неолита:
быки, олени, тамги, человечки...
Татуировок каменный ковёр
покрыл два скальных выступа, неясно,
кто и зачем оставил эти знаки?
О чём поведал? Почему алтайцы
Сосцы Хатун обходят стороной?

IV

Тиха была погода.

Серой ватой
клочкастых облаков перетянуло
небесной юрты купол. На вершинах
белёсой мглы курились очаги,
струя по складкам дымные косынки
туманов... и по ходу невозможно
мне было, ковыляя по долине,
вот сей момент, навскидку угадать

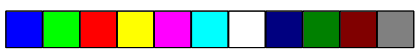
где солнца диск болтается. Шумела
река, подобно шелесту сухому
осенней рощи под широким ветром.
Я возвращался в лагерь по тропе
или, точнее, по тропы подобью,
гигантские окатыши гранита
непроходимо заполняли пойму,
меж ними рос шиповник, можжевель,
акации колючие сплетенья
щетинились у валунов подножий.
Я думал: «И какому же потоку
под силу было так вот обкатать
в овалы многотонные каменья?»
Похоже, лишь Всемирному...

Гнев Божий
перепахал планету. Как же, как же
пред этой мощью жалок человек!

V

С трудом я обогнул нагроможденья
Потопных жерновов и вновь увидел
и мост, и лагерь у хребта подножья,
дымок костра, палатки, склон горы,
где две скалы священные. Как странно
издалека следить за копошеньем
стоянки человеческой: немое
кино про лилипутов...

Из кустов
мне под ноги Кумай, наш сторож верный,

любимый пёс начальника, метнулся:
и хвост поджат, и уши на затылке,
скулит, зовёт кобель.

«Куда, куда
меня ты тянешь? Что такое, братец?
Где, что стряслось? По виду — всё спокойно.
Ну погоди, дай огляжусь»... Я вынул
измятый «Честерфилд» и, прикурив,
уселся на валун.

«Однако тихо.

Вон, погляди, Павлуша варит ужин,
а твой хозяин ползает букашкой
по выпуклым поверхностям, опять
рисунки инспектирует, снимает
на фото, в эстампажи переводит...
а кто с ним рядом? за спиной? похоже —
водитель, без бинокля не видать,
весь в сером? Ну, чего ты так извёлся?
Не чёрта же средь бела дня увидел?
Хотя местечко — Господи, помилуй,
споткнёшься и — ау, ищи-свищи!»

VI

— А с кем ты на скале работал нонче?
С Кумайкою мы долго наблюдали
за вами из-за речки...

Я прервался
на полуслове — рыжий черемис,
начальник, что провёл полжизни в поле,

вдруг замер, поперхнувшись и смурнея,
и долго на меня в недоуменье
смотрел: «Ни с кем, один».

Из-за плеча

этнограф-Ира громко зашептала,
перекрывая шум реки: «Ты тоже,
ты тоже видел? Я с горы спускалась
вон там по склону, он за ним ходил
след в след, он был всё время за спиною,
весь серый, будто бы в комбинезоне,
как будто сторожил, следил, шпионил...
Ведь до меня лишь в лагере дошло,
что это здешний дух, хранитель места,
алтайцы говорили, что недавно
Амырка-тракторист сюда припёрся,
придумал спяну парочку сколоть
рисунков, мол, продам американцам,
ну, в самом крайнем случае, полякам
(они ж не все на сплаве насмерть бьются,
которые доходят до конца
маршрута) — вот и будут сувениры
о скалах близ кошмарного Аргута,
где гиблый перевал Верблюжье Ухо²,
где Карагемский мост. Ну, в общем, он
едва успел примериться зубилом,
как тут же и на щебне поскользнулся,
упал, короче, выродок, и ногу
вот сей момент, прямёхонько, сломал».

² Непроходимое для сплавщиков ущелье, участок реки Аргут.

VII

Давно — уже в ином тысячелетье
со мной всё это было, до дефолта
примерно за неделю и задолго
до новой лжи кромешной, до войны...

Уж нет ни Югославии, ни Башен,
умолк Шамиль, невесело Саддаму³,
и, может, только белые медведи
не знают об Аль-Каиде и о
глобальном потеплении... Но скоро
их, как и нас, проверят на лояльность,
ни мыса не останется, ни льдины
без бдительного ока CNN.

Дверь заперта, мы смотрим на творенье
сквозь щель замочной скважины, мы смотрим
сквозь объективы теле или фото
глазами соглядатаев чужих.
Тень репортёра, проданного в рабство
за лживый долг свободы и комфорта,
маячит за спиною непокорных —
он серый, он навеки пригвождён
к подобью ремесла, к лукавой страсти
пустого знания... Ни любви, ни смысла
не создаёт зависимое племя,
и — шумно на невольничьих торгах!

³ Теперь эта строка, очевидно, должна завершаться словами:
«повесили Саддама».

И все молчат о подлинном владыке,
не выдают ни знака, ни намёка,
а кто и проболтается по пьяни,
Бжезинский или Гибсон — на того
найдут управу...

Павич, Солженицин,
Джон Фаулз, Маркес, Брэдбери, Мисима —
последние обломки Атлантиды —
пучиною почти погребены.

И у меня — не крылья за плечами —
два спутника за левым и за правым —
один свистит, другой поёт и плачет,
один толкает, а другой хранит.

И только купол неба и вершины
незыблемы пока и лучезарны,
и не подвластны воле и веленью
вселенских наблюдателей. Пока.

Пока, мой друг,
нам до второго раза,
похоже, не дожить. Оно, быть может,
и к лучшему.

Финал у этой фильмы
не голливудским будет, видит Бог.

*Декабрь 2006,
Новосибирск*

ИЛЬМОВАЯ ПАДЬ¹

I

Для римлян — долг, а хуннам — только воля.
Что может быть прекраснее полёта
И облавной охоты, и степной
Мужской игры, где самый сильный воин
Под радостные вопли одаряем
И кушаком, и резвым скакуном,
И взорами невест зеленоглазых.
Мир нерушим и цел, и нов —

кольцом

Кочевья опоясаны просторы.
О чём молчит Китайская стена?
О том ли, что никто (лишь ветра кроме)
Её не разрушает, не штурмует,
Одни лишь космонавты, удивляясь,
Глядят как целых десять тысяч ли²
Змеится то, что хуннов отделяло
От церемоний, роскоши, карьер
Стремительных,
интриг, доносов, страхов...

Но не спасла Китайская стена.

¹ Ильм — степной тальник с мелкими серебристыми листьями.

² Китайская мера длины, около 500 метров.

Сладка цивилизация... И душу
Шелка и вина, дивные дворцы
Прельщают, пленяют.

Но лишь хунны

Свободны и не знают ничего
О заповедях и предначертаньях
Небесных императоров.

«У хуннов

Жить веселей и радостней».

Бегут!!

Бегут, оставя скот, и дом, и пашню,
За Стену, в степь, на север, к дикарям.

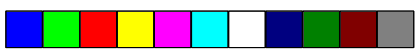
.....
.....

С богатырём по имени Рабдан
Мы ехали окрестностями Кяхты.
Весьма однообразен Чайный путь,
Когда б не дух великих потрясений,
Не гулы вулканических эпох,
Не камни, не курганы в отдаленье,
Не запах степи...

Да, когда б не то,
О чём так сладко думать, вспоминая,
Но что неуловимо, как пыльца
Полыни под ступнёю.

От шоссе

Чуть отойди — и двух тысячелетий
Как бы и нет...

Мы часто тормозили
У родников-аршанов, у развилок,
У пирамидок каменных, обо,
Где на ветвях серебряного ильма,
Увещевая духов, оставляют
Все странники цветные лоскутки.

...Мы приближались к устью, к царству мёртвых,
К долине, где покоятся шаньюи —
Великие князья тех самых-самых
Ужасных и печально знаменитых
Племён.

Когда б кошмарный Фрэди Крюгер
С Бен Ладеном сумел соединиться
В одно лицо, и то... и то, наверно,
В миру цивилизованном бы меньше
Волнений было. Ильмовая падь
Хранит их прах в гигантских погребеньях³,
Но на свободе дубли и подобья!
Все тени — лгут,
Не правда ли, Улисс?

II

— Ты на подошвах, в мыслях и сомненьях
Так много грязи тащишь. Предки близко.
В последний раз, позволь, остановиться.
Пойдём, отслужим маленький обряд.

³ Возраст этих захоронений более двух тысяч лет.

Рабдан огромен, из автомобиля,
Как из скорлупки, выйдя, он обходит,
Подобно туче, каменную стелу,
Неведомые мантры бормоча.
Он достает лампадки, знаки-тамги,
Тибетские воскуривает травы
И, водку распечатав, окропляет
Четыре ветра четырёх сторон.
Да будет милость, милость и участие,
Пусть черноголовые буряты
Не забывают, из какого корня
Произрастал их родовой побег.
Бурят есть брат — брат единоутробный,
Брат тех, кто опрокинул сон империй,
Сегодня мы всего лишь поклониться
Большим могилам пращуров хотим.

Рабдан священнодействует, токует,
Меня спиралью дыма окружает,
И за плечо берёт, в пространство глядя,
И медленно огромную ладонь
На темя мне кладёт.
— Ты в детстве думал
О жертве и бессмертии, ты верил
В своё предназначение. Зурхай⁴
Не может ошибаться. Ты такой же,
Как тридцать лет назад. Но ведь без спроса
Спасать других — сугубая гордыня.

⁴ Монгольская астрология.

Твой друг, Серёжка, он не успевал
По нескольким предметам, ты обидел
Его... ты говорил, что стоит только
Тебе напрячься, сильно захотеть,
И — вылепишь отличника! Но милость
(и милостыня даже) не дается
Из чувства превосходства, снисхожденья...

Слепой, убогий, нищий на ступенях
Не обратятся в противоположность
Свою. Что знаем мы об их желаньях?
Но только состраданье и любовь
Прохожих, что украдкой бросают
Гроши, чтоб торопливо, и стыдливо
Прочь отойти — любовь и состраданье
Способны быть опорой спасенья.
Но — не чужая воля! Не давленье
Соперника. Серёжка над собой
Не разрешил пустых экспериментов.
И вы расстались...
Прежде чем спасти,
Давайте спросим у возможной жертвы
Несчастья?..

А безумная сноха,
Которая из алкогольных дебрей
Ночей горняцких ринулась бежать? —
Из паутины скотства, из ничтожных,
В сплошной поток сливающихся дней.
Как ты ее ловил в ноябрьской грязи

И нёс версту, босую, на руках,
К тому же возвращая...

А беззлобный,

Всегда счастливый Вася-дурачок?

Ты, кажется, хотел его лечить?

Но он, от зверских матов и побоев

Родительских — залез в петлю...

А рыжий

Безногий, вечно пьяный дядя Коля,

Гармошкой веселивший всю округу?

Не ты ли рассуждал про ЛТП,

Дом инвалидов, помощь государства?

Но он замёрз однажды возле дома —

Сулыбкой...

А насмешливый казах,

Которому до фени жаркий пафос

Ин-тер-национальных пацанов?..

Всегда между спасеньем и свободой —

Знак равенства. Недаром говорят,

Не подавай руки тому, кто тонет,

Коль не уверен, иль не ухватил

Другой рукой за крепкую основу,

Ты палку протяни, а свой конец

Держи, покуда силы не оставят.

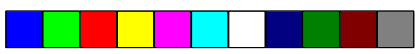
Когда сумеешь вытащить — тебе

Почёт и слава. Не сумеешь — что же,

Знать не судьба, но ты, ладонь разжав,

Всё ж сохранишь *свою* живую душу —

Хотя б она пучины избежит...

Я слушал и стыдом переполнялся,
Мне толковали, что Рабдан — провидец,
Что прошлое читает, словно комикс,
Но я, признаться, не предполагал
Всей тяжести таких живых картинок.

— Достаточно, пойдём, твоя душа
Омылась унижением и скорбью.
Ты будешь чуток, ты услышишь то,
Чего не различают горожане...

III

А хунны хоронили не в бору,
Но бор стоит на месте древней степи —
Трехвековой, могучий, медногрудый,
Как будто пешей армии шеренги,
Бронзоволато, царское становье
Собою окружили...

Вновь Рабдан
Творит своё неведомое действо.
Он благовонья кругом воскуряет,
Он расставляет малые лампадки
Причудливым узором, он читает
Враскачку заунывные слова
И водкой заставляя причаститься,
И, голову склоня, стоит смиренно,
Стоит минуту, две, и четверть часа,
И вот уже от ритма, от молитв,

От сладких ароматов, от мерцаний
Семи огней среди сумеречных сосен
Становится свободно и легко,
Становится вольготно и просторно,
И будто бы иные голоса
Подхватывают ритм полузабытый,
И оживает бор, и по вершинам,
Ознобно, пробуждения волна
Проходит.
— Будь покоен. Предки близко.
Нам боле ничего не угрожает,
И, может статься, сбудется с тобой
Одно из родовых предназначений...

Меж тем, уже упала темнота,
В просвете сосен бледные созвездья
Повисли. Серебристую тропой
Единственное облако над нами
Стелилось от зенита на восток.

— Ворота открываются до срока,
Ты здесь, чтобы узнать о неизбежном,
Уже святые мощи оживают,
И Слово возвращается, и даже
Умершие навеки города
Из праха проступают на поверхность,
Чтобы явить безмерную тщету
Гордыни человеческой.
Насилье
Становится обличем торжества

Добра и справедливости... Недолго
Осталось ждать, когда нас всех спасут!
От глупости, от снов и заблуждений,
От странностей никчёмных, от фантазий,
От верности земле, от веры в Бога,
От кровных уз, от жертвенных преданий,
От совести, от горя и любви...

«Империя клонирования счастья»
Для подданных готовит вечный праздник,
Упорным — пересаживают душу,
А слабые — готовы для пресс-форм,
Для малых дел, для сереньких эмоций,
Для песен и стихов о гуманизме,
Для вежливых улыбок и старанья
Продлить свою растительную жизнь.
А чтобы миллионы недовольных
Не посягали на такой порядок,
Уже созрели лазеры и бомбы,
Уже растёт Великая Стена,
Её вот-вот поднимут на орбиту,
Всевидящей закружат каруселью,
И новым хуннам станет очень трудно
В *своих* степях пасти *свои* стада.

В Империи Клонирования Счастья
Запрещено раздумывать о смерти,
О том, что жизнь — поступок, а не тленье,
О том, что выше жертвы и любви
Нет ничего на свете.

Новым хуннам
Придётся вырваться на орбиту,
Чтоб выколоть глаза Большому Брату.
Я вижу гибель — гибель и огонь.

IV

Рабдан заплакал. Страх, почти растаяв,
Вновь оковал суставы-сухожилья,
Я немо наблюдал как из гиганта,
Из тучи — человеческий восклиц,
Почти ребячий, вырвался...

Я понял:

Свобода и спасение едины!
Нет, никогда потомки погребённых
В долинах повитухи-Селенги
Князей — не согласятся на замену,
Кровь будет кровью,
Песня будет песней,
А смерть — не электронною игрой,
А подлинным души освобожденьем.
Ты прав, Рабдан, уже не миновать
Начертанного предками исхода.
Ильм серебрится, залитый луною.
Седлай коней. Я принят. Я с тобой.

V

Мы обернулись, выехав на взгорок.
Бор затаился — черен и незыблем,
И облако все так же от зенита
Тянулось, как дорога на восток.

Луны прожектор облачную трассу
Во всю длину высвечивал, казалось,
Что кавалькада всадников, сутулясь,
Уходит на косматых лошадях
Туда, всё выше, к области Полярной
Звезды... И лишь теперь возликовала
Душа! Моя душа — не столбик чисел,
Не кем-то сочиненный алгоритм!
Всё правильно.
В небесной эстафете —
Мы звенья, мы не можем оступиться.
Прощайте, вековечные могилы,
До срока, до кочевья, до войны...

Эпилог

Прошло три года.
Муза дальних странствий
Все реже посещает нашу пристань.
Я думаю о прошлом с недоверьем,
А встречи и события давно
Переплелись в растрёпанный сценарий,
Где очень много вымысла пустого,
Но отделять плевелы от живого
Зерна уже, ей-богу, не хочу.
Мне пишут, что Рабдан остепенился,
Что он уже лама, а не астролог,
Что строит храм-дацан, что дар провидца
Его оставил. Магия судьбы
Куда чудесней даже тайных знаний.

А пройденное —
В камень обратилось.

.....

До встречи, друг мой,
на пути к себе.

*3 ноября 2002,
Новосибирск*

СУХОЙ КОЛОДЕЦ

Роллану Сейсенбаеву

I

Я не шепчу в испуге «бисмилля»,
С тобой, Рэке, мне здесь не одиноко,
У нас одна дорога — на Восток и
Мы вновь пойдём по сопкам Заиртышья
Туда, где Чунгистау широко
Раскинули свои холмы пустые,
Опять туда, где в детском далеке
Ты прятался с отарою в распадке,
А молодой отец, храня семью
От насквозь прожигающего света,
От ока смерти, от звезды Шайтана,
От топота коней Армагеддона,
Бежал с кошмою толстой, чтоб укрыть,
Упрятать, уберечь...

Но ты боялся
Не грохота, не вихря Полигона,
А старца, что совсем неподалёку,
В сухом колодце, двадцать пять зимовий
И двадцать пять летовок уж томился.

II

Но как прекрасен домбры тонкогорлой
Пустынный голос!

Он цепляет душу,
Тревожит и велит остановиться,
Как биюрган-трава в сухой степи.

Пойдём, Рэке, возьмём по две лепёшки
За пазуху,

верблюжьего кумыса
Тугой бурдюк,
пойдём туда, где ветер
Разносит прах сухого чернобыла,
Где плачет коршун жеребёнком сирым,
Где с жёлтой гривы виден горизонт,
Дугою уходящий в оба края,
Где всё прошло, промчалось, протёкло,
И лишь земля всё также длится, длится,
Как песня домбры...

В седловине той,
Ты говоришь, походная стоянка
Чингиса, повелителя народов,
Случилась?..

А вдоль этого ручья,
Что оживает только на неделю,

Когда цветут тюльпаны,
Аблай-хан²
Скакал со свитой, вековую распря
С джунгарами желая прекратить.

Но было поздно.

Так всегда бывает:
Два брата что-то делят, рвут рубахи
И бьются насмерть. Но покуда бьются —
Мать умерла от горя и стыда.

Где родина? Где Туркестан Восточный?
Пока ойроты резали казахов,
Пока казахи резали ойротов,
Чугая степь Китаю отошла.

Мой друг, мой брат, пойдём,
мы снова вместе,
Мы дышим этой синею полынью
И караган ломаем для кострища,
И бешбармак готовим в казане.

Степь рыжая в подпалинах, сединах,
Как будто шкура старого корсака,

² Абилямсур, принявший имя Абылай-хана, – последний казахский хан, авторитет которого бал непререкаем во всех казахских землях. В 1755 году вступил в союз с последним ханом Джунгарии Амырсаной для борьбы с маньчжурами династии Цин. После падения Джунгарии и уничтожения маньчжурами более миллиона ойротов, их остатки откочевали в Россию, под защиту Сибирской казачьей линии – севернее Зайсана, на правобережье Иртыша. Абылай-хан умер в 1781 году в Ташкенте, который уже очень скоро после его смерти перестал быть казахским.

Над нею небо, как шелка Шираза,
Где по ночам, монистами звеня,
Гарем созвездий в призрачном сиянье
Всё кружится...

А твой великий старец,
Которого ты в детстве так боялся,
Наверное, давно на небесах.

И Полигон умолк.
И только пепел,
Скелеты юрт да черепа пустые
Пропавшего скота напоминают
О прежних временах и прежней боли.
Пойдём, Рэке...

* * *

Как я люблю, когда один лишь ветер
Шумит быльём, свистит и давит уши,
Когда земля и небо заплывают
В объятия друг другу...

Я хочу

Дождаться той весны, того мгновенья,
Когда пустой колодец перестанет
Гудеть под ветром, как бутыль пустая,
И станет вдруг целительным Аржаном
Для всех, кто жив,

кто жаждою томим.

*23 августа 2002,
Новосибирск*

ВЕЛИКАЯ СУББОТА

(Калбакташ, 3 мая 2002 года)

I

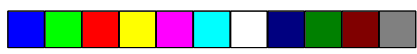
Мы были здесь в Великую субботу.
Господь во гробе. В небе только ветер.
А там внизу, как в древней Иудее,
Пустынный склон, и овцы разбрелись
Без пастуха — пространная долина
Распахнута до самого слиянья
Катуни с Чудей...

Странная тоска

Щемила сердце. Много лет я не был
У древнего святилища, не трогал
Поверхностей, изъеденных морозом,
И тонкой влагой, и палящим жаром,
Но всё ж хранящих в каменных страницах
Такую мощь иных прикосновений,
Что до сих пор на плоскостях, покрытых
То серым мохом, то сетчаткой трещин,
Живут в полёте тени и виденья
Великих предков...

Сколько тысяч лет

Назад — они долбили этот камень,
Чтоб выбить, как молитву и посланье,
Всю эту галерею, хоровод,
Весь этот гороскоп ветхозаветный?..

II

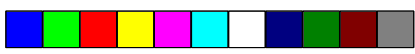
Пустыня пожирала душу мне.
Покинутостью, холодом, прощаньем
Насквозь была пронизана окрестность.
И я уже не верил, что вернусь
Когда-нибудь к работе и веселью,
Стихам, вину, любви и болтовне
О милых пустыях в кругу любезном.

Пустыня наступала, как судьба...

III

А было время, здесь же, я изведал
Такую полноту развоплощенья,
Такую силу токов родовых
И в безвременном море растворенность,
Что навсегда утратил эгоизм,
Тщеславный огонь, страхи бездны...
Впрочем,
Есть вещи, о которых невозможно,
Небезопасно даже говорить,
Чтоб не потратиться, не изолгаться...

То давнее — беспошлинно моё,
Души отчизна, поле возрожденья.

IV

Да, да, то было много лет назад,
В другой стране, с другим, полузнакомым,
Невежественным, дерзким гордецом,
Которого переполняло нечто
Незнакомое... Он не мог вместить
Томлений тех и зова, и величья,
Хотя стремился. Право, даже очень.
Но не сумел, не понял, не достиг.

V

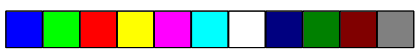
На родину стремишься перед смертью.
Но мир — яйцом пасхальным обернулся,
Что на ладони Господа ютится.
Уж родиной — планету мы зовём.
Мы дома. На любом из континентов
Зарыты кости родственников наших.
Всё вертится пасхальное яичко.
Суббота не закончится никак...

VI

Мой ангел, ты как прежде за спиной.
Всё веруешь, и разочарованью
Моей души не хочешь уступить.

Я не достоин такой опеки.

Но всё ж, признаюсь, только на тебя
Надеюсь, уповаю, среди здешней

Душевной пустоты.

Уже давно

Я ощутил твоё прикосновенье...

Не понимая кто меня ведёт,

Я шёл с тобой по тропам азиатским.

И вот однажды, здесь, на Калбакташе,

В одной из экспедиций, жарким днём

Я прикорнул у самого подножья

Скалы с иконостасом трёх вселенных,

Где в верхнем мире семь богатырей

Сражаются с медведицей хвостатой,

А в среднем — всё охота, всё любовь:

Погоня, козы, волки да олени,

Полёт стрелы да остриё копья.

А в нижнем, нижнем — тени да личины,

Тамги родов, шаманская тропа...

Я спал на щебне, подложив под щёку

Овальный камень, голубой песчаник,

Чуть тронутый лишайником, нагретый

Июльским солнцем, спал, одолеваем

Истомой странной, будто бы меня

Баюкали невидимые руки,

Спал в центре храма,

чуть ли не в алтарне,

И был таким покоем переполнен,

Что мой товарищ, кинооператор,

Уж с вождельнем камеру поднявши,

Вдруг засмутился тишины блаженной,

Улыбки неменяемой и слюнки,

Стекающей из уголка, морщинки
Загубной...

Он ушёл, не потревожив
Нездешних сновидений. Он ушёл
К реке, чтобы сварить походный ужин,
А я остался, предками храним.

Пока я спал, эпохи и зоны
Промчались, человеческие расы
В горниле войн смешали своё семя,
Пока я спал, и солнце докатилось
До ближнего хребта, пока следил я
Произрастанье мирового древа,
Над древнею долиной собрались
Подобные ворчанью горных духов
Тугие фиолетовые тучи,
Пока я спал, Алтай заволокло
Свирепой бурей. По всему пространству,
От Уч-Сумера и до Алтын-Кёля,
Свой чёрный скот Эрлик, подземный демон,
Спеша, погнал бичами длинных молний.
И, словно пыль от стада неисчислимых,
Мрак грозовой покрыл, окутал горы,
И старый тракт, и наш костер неяркий,
Который наш приятель-археолог
Не разглядел во тьме предсотворенья,
Промчался мимо на своём УАЗе,
Двумя лучами щупая тропу.

ПРИЗРАК СЕЛЕНГИНСКА

«Дикости дичее одичанье», —
Грустный Битов, кажется, заметил.
Но забвенье хуже, много хуже.
Если ни бурьяна, ни руин,
Если всё затянато пустыней
Или степью, если даже след
От дворцов, дацанов иль усадеб,
От дворов гостиных и казарм,
От рядов торговых, от погостов,
Крепостцы, часовен и мостов,
Даже след уже неразличимо
Затерялся в мареве пейзажа,
Даже след ушёл в сухую почву
И запутан жёсткою стернёй,

То-то страшно...

Быть и знать и ведать,
Что вот здесь, ещё не боле века
Город был, и жизнь во всю кипела,
А теперь — трава, трава, трава...

На моторке долго-долго плыли
Селенгой, минуя Конский остров,
Вон скала с названьем Англичанка,
Память о разлуке и любви,
Вон, в дали, Бестужева могила,
Он любил Бурятии просторы,

Так и жил с мольбертом над рекою,
Уж иной свободы не ища.

Нет давно ни пристани, ни взвоза,
Берег крут, а полдень беспощаден.
Друг мой, всех ойротов предводитель,
Ты зачем меня сюда привёл?

Время издевательски надменно
Замело, замыло, источило
И труды, и меты, и могилы...
Жёлтый панцирь, старая трава
Укрывает почву городскую,
А над этой хрусткою циновкой
Уж во всю цветёт, шумит другая,
Ныне и вовеки — лишь трава.

Разорвав холстину ломких стеблей,
Чтоб могильный камень обнажился,
Я не смог ни имени, ни даты
На бугристом фоне разобрать.

Друг мой, что ты ищешь в этом поле?
Даже если славный хан джунгаров,
Хан Амырсана. последний воин,
Где-то здесь был тайно погребён,
Он давно травой повит и выпит,
Он давно кочует белой Степью,
С белым стадом, в белой-белой юрте,
Утешаем словом бодхисатв.

Не ищи, не тщись,
Травую знойной
Не броди по призрачному граду,
Лишь ковыль да чабер вместо улиц,
Вместо хижин — пижма да осот.
Да цветы мельчайшие — ползучей
Неизвестной, цепкой, мелколистной
Травки, что над полем источают
Запах, сладкий запах,
Словно тлен,
Тлен прошедшей жизни проступает
Из состава гумуса и камня!

И встаёт, дрожа, над Селенгою
Города умершего мираж.

*4 августа 2002,
Новосибирск*

КЫЗЫЛ-ДЖАР

Нет пути, что к морю не выводит,
Но бывают путанные тропы
По горам или тайге валежной,
Коль пойдёшь, так норовишь попасть
В осыпи, тупик или тяжёлый
Бурелом...

У тайны два лица...

И душа в щемлении прекрасном
Не желает знать иного смысла —
Только эта странная охота,
Страсть, полёт, погоня.

Для чего

Молодость так любит игры смерти?
Оттого ль неведомое манит,
Что лица погибели не видно,
Лишь азарт, веселье и восторг.

* * *

— Вот флакон святой воды в дорогу, —
Мне отец Андрей с благословеньем
Преподнёс.

— Алтай — такое место,
Где сошлись в невидимой борьбе
Воинства вселенские...

Я ехал

Улыбаясь, и моя «восьмёрка»

Чуть скулила, ныла, шелестела,
 Упиваясь ветром и свободой,
 И летела, чуя горизонт.

Низкие ойротские селенья...
 Юрты шестигранные покрыты
 Лиственницы огненной корою,
 Арака, кумыс, коровье племя
 Посередь дороги,
 Брѣх собак,
 Нищета, глядящая украдкой,
 Нищета среди великолепья —
 Царственного, грозно-молодого —
 Гор окрестных.

Острые хребты

Замыкали светлые долины,
 Каждая — сама подобна храму,
 В каждой есть и паперть, и притворы,
 И до неба — Царские врата!

.....

Мы не знали нрава Кызыл-Джара,
 Мы промчались каменную степью
 До Бельтира.
 Мудрые старухи
 Сотворили медленный обряд,
 Напоив очажный дух кумысом.
 Затворив запретами все двери,

И сказав, что Кызыл-Джара¹ возле
Нас кёрмёсов² стая стережёт.

Но — куда там!
Истина дороже.
Даже если истиною стало
Узкое ущелье, даже если
Путь размыло в четырёх местах.

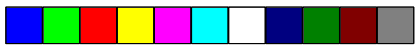
Через пойму — в полых лужах ливня,
Через русла, колеи, канавы,
В камышово глинистую дельту
Выскочили.

Посередь реки
На песчаной отмели стояло
Рыжее, с арабскими глазами,
Стадо кривогорбое верблюдов,
Словно бы в косматых зипунах
Дервиши безмолвные толпились
У мечети, куполом подобной
Синеве — Тенгри, святому Небу...
Как грязны, грубы и позабыты,
О, Аллах мой, дервиши твои!

Неприступны скалы Кызыл-Джара,
Будто многоярусная крепость

¹ Красный Яр (тюрк.), один из распространённых топонимов за Уралом.

² Демоны (тюрк.)

В облака уходит. У подножья
Древний глетчер вереницу глыб,
Словно зубы мёртвого дракона,
На века посеял...

На краю

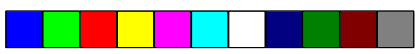
Замкнутой поляны изваялся
Чёрный, как египетские ночи,
С голосом буддийского хорала —
Царь Тибета, горный бык, сарлык,
Сам подобен дикому монаху,
Как живая глыба, необъятен,
Архаичен, страшен, в чёрных ризах
До копыт, он медленно вдышал
И, вздымая морду, низко-низко,
Хрипло-хрипло, как Тувы сказитель
Потрясал и души, и пространства,
Рёвом охраняя свой гарем.

Дальше ехать некуда.

Курганы

У подножий — в каменные кольца,
Как на дне террария, свернулись...

Между двух базальтовых грудей
Куча пепла и золы свинцовой —
Свежая шаманская могила.
Всё сожгли, к чему он прикасался,
До сих пор подошва сапога
Из золы торчит. Само кострище
Плотно огорожено жердями,

Не хватает лишь стальной колючки,
Знака радиации да слов
Про опасность...

Спутник мой, этнограф,
Проворчал: — Знать, шибко нехороший
Был он, далеко откочевавший,
Даже род свой зашугавший кам³...

Первым пёс неладное почуял
И, скуля, забился под УАЗик.
Следом повариха вместо лука
Покрошила мыло в котелок.
Лишь водитель, стойкий пролетарий,
Произнёс: «Поганое местечко»,
Заперся в кабине и погромче
Новости пекинские врубил.
Оператор, камеру таская,
Всё хватался за виски, затылок:
— Давит, что-то давит...

И пытался
Как-нибудь работу исполнять.

Но начальник наш куда суровей
Был порушен. Воздух Кызыл-Джара
Для него едва ль не ядовитым
Оказался. Яростная сыпь
На ногах, на пальцах и запястьях
Вдруг возникла: так по сухою

³ Шаман (тюрк.), отсюда «камлать».

Низовой пожар ползёт всё выше,
Так по телу пламя поднялось.

Вот уже и нос, и рот, и горло
Отекают. В медежах багровых
Грудь. И прерывается дыхание.
Я кричу: «Димитрий, погоди!»...
И вспомнив про отца Андрея,
Потрошу рюкзак... и умываю
Я лицо ему святой водицей,
И попить даю, и отхлебнув
Сам — смотрю, как пламя отступает,
Как светлеет взгляд, уходит ужас,
Как, дыхание взявши полной грудью,
Он опять командует:

«Пора

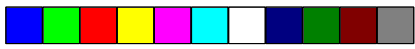
Сматываться! Чёртово ущелье!
Чуть не задушило».

И поспешно,

Костерок залив и погрузившись,
Мы бежим, бежим от красных скал.

* * *

В городе, под дюжину золотую
Пива ярославского, под связку
Хариусов вяленых, мы смотрим
Той поездки видеоотчёт.

КРЕСТ

На мраморном надгробии Геракл
Был грозен, как Георгий-змееборец,
Но конь врага копытом не топтал,
Копье искало славы, а не правды.
И камень, прихотливо накреньясь,
Стоял среди осколков Гермонассы,
Среди городка по имени Тамань,
На берегу полуденного моря
Во дворике музея...

Где-то здесь,
Неподалеку, ночевал поручик,
И так же слушал мерный шум воды
И запах йода на осклизлой гальке,
И древней тишины степную глушь...
Но тот поручик умер.

Был застрелен.
Давным-давно.

А кажется, вчера.
Зачем я вспомнил?
Жалость? Состраданье?

Нет, нет!
Он так хотел. Он все узнал
Столь рано, что не думал о протесте.
Протест ведь пустоте равновелик,

А он был полон жизни, вечной жизни,
Хотя слова о жизни той пусты...

Но есть деталь, что не дает покоя.
Там — в глубине музея, на стене,
Средь золотых монет Пантикопеи,
Лампадок, бус, ликовчиков, колец
И прочей бижутерии ахейской,
Есть крестик. Я не видывал нигде
Подобного. Конец креста обломан.
Вершина же и левый луч — целы.
На них, в кругах, таинственные знаки,

Их ведали чеканщик и монах,
И всякий раб крещенной Византии.
Но суть не в них.
Внизу креста — Христос.

Католики, воспевшие распяты,
И муки, и поруганную плоть,
И Божьей кровью полные стигматы,
Взрощали бы, увидя этот крест.

Здесь нет распяты. Иисус нисходит
С вершины мук в сияньи и любви,
Неся перед собой живые руки,
Как бы желая даровать хлеба.

За ним овал золотого ореола...
Крест позади. Его не миновать,

Но он остался знаком пограничным:
Преодолей, шагни, переступи!

Иди за мной, иди и не противься.
Распятья нет, есть радости завет.
Так мне внушали древние монахи,
Носившие под рясой этот крест
Еще до русских лет Тмутаракани.

.....

Молчат надгробья. А поручик спит,
Внимая Небу. Прах летит по ветру.

И лишь Геракл в порыве роковом
Не может отыскать достойной цели,
От подвига до подвига летит,
Пронзая ветер жалом копьевидным,

Не зная, что на траурном костре
Он в тунике отравленной истлеет
В жестоких корчах. Навсегда достигнут
Самим собой...

ЗВОНОК ПИФИИ

поэма

ПРОЛОГ

1.

Он уже уезжал,
Но вернулся, машину попятил,
Лязгнул ключ,
И в прихожей моргнули, ожив, зеркала.
Взял перчатки,

мобильник у края стола:

— Экий дятел!
И себя как-нибудь позабуду
Не со зла...

Он подумал,
Что сумрак квартирный —
Как чуткая дрёма собаки
В ожиданье хозяина,
И — что загадка зеркал
В невозможности существования,
паки-паки,
За пределами созерцания
И творящих начал.

Усмехнулся мудрёности,
И шагнул, и уже на пороге
Телефонный звонок
 повернул его вспять.
«Ну, кому ещё нужен я,
 евразийские боги
И япона-мать?!»...

Треск сухой, белый шум,
Уходящее эхо,
Женский голос откуда-то
 очень, очень издалека:
— Срок истёк,
 остаётся семь дней...
И — свистящего вихря помеха.
Звон. Гудки.
На отлёте —
долго-долго трубку держит рука.

— Бред какой-то! Семь дней?
Как же так? Невозможно!
Я ещё не готов. Неужели финал?..
Но — колотится сердце,
 но рука задрожала не ложно.
Да,
 похоже, ты знал...

2.

Было странно потом —
Вроде, стыдно и глупо бояться,

Сумасшедшая баба
позвонила незнамо куда,
Но у названных дам
не бывает таких интонаций...
В общем, да.

Медленно,
как ползущий ледник
И неслышно, как рост сталагмита,
Время движется в нас —
от рожденья до детских чудес,
Так в сознании Рода
тянулись века мезолита,
Пока не повзрослели мы,
и покуда Один не воскрес.

Время — центростремленье,
чтобы сердце от страсти взорвалось,
Центрифуга души,
чтобы тело в песок утекло...
Время лишь для того,
чтоб не было, а только казалось,
Не любило, а жгло.

И — мельканья среди,
в ускользании дней мимолётном,
Когда кадры дробятся, сливаются
в веерный след,
Вдруг заявлено, сщежено
голосом полудремотным:

Время вышло, увы,
для кор-рек-ции хода обратного нет.

Не исправить судьбу.
Тот распятый разбойник
Оказался счастливцем,
спасенью в глаза заглянув.
Ты на кладбище лет,
ты всего лишь ходячий покойник,
Заведённо глотай
сна цикуту, зари белену...

Пожираение жизни
завершается победоносно!
Клип за клипом, игра за игрою,
show must go on,
Но стекает забвеньё
подобием крови венозной
Невозвратной тропой —
в Ахерон.

Эпизоды и комментарии

Хорошее начало.
И, пожалуй,
мне лучшего не надо для поэмы,
когда бы не истощённость... в зачине
есть некий фатализм, уже программа
запущена и золотые диски
вращаются со свистом, пистолет
нацелен и взведён курок, и Муза

скучает в ожидании развязки:
«Ах, бедный Йорик, жертва Голливуда,
допрыгался»... Вот то-то и оно.

I

Не тошно ли проторенной дорогой,
без приключений, в заданном режиме
проехать от завязки до финала?
Ну, что там?
Перепуганный герой,
конечно же, пророчеству поверил,
в нём холод и смятение, и горечь,
он хочет скрыться, он почти раздавлен,
не далее как год тому назад
подобное с его ближайшим другом
случилось, назовём его Иванныч,
Иваннычу приснился в день рожденья
престранный сон — опять же телефон
звонил на грани морока и яви,
Иванныч отвечал: «А кто вам нужен?»,
и голосом неведомого пола
ему в ответ: «Восьмого ноября
умрёте вы»...
Да, да.
Он пробудился.
Он рассказал домашним. Посмеялись.
Но пролетело лето. Отрешён
все месяцы был друг,
как будто тело
отдельно от души существовало,

он всех жалел, он всем прощал обиды,
но иногда почти не узнавал
товарищей, лишь чуть кивнет, и снова
куда-то устремится, будто видит
страну, что нам неведома покуда,
о, бремя обречённых!
не дай Бог
нам знать свою судьбу.

Похоронили
Иваныча в ноябрьскую стужу.
Небесной манной сыпали снежинки,
и плакал губернатор, а герой наш
вдруг ощутил себя у края бездны,
кто следующий?
Впереди — зима.

II

Ах, пифии проклятые, зачем вы
смущаете покой непросвещённых
и легковерных смертных? Наше дело —
жить без оглядки, жить, покуда есть
желание, пока Господь не принял
за нас своё решение, покамест
есть нечто, подающее надежду
на то, что не исчерпана любовь.

А если — нет? Тогда ничто не держит.
Гуд бай, прости-прощай, ариведерчи,
Но прежде *чем*... ещё раз, Бога ради,
Хотя бы без отчаянья — уйди.

III

Не буду называть, он безымянен,
он имярек, герой моей поэмы,
NN или она, а в этой главке —
мужчина средних лет, который вдруг
уверовал, что время завершилось,
всего семь дней, уже другой вселенной
не изобрести для личного спасенья,
ты больше не творец и не хозяин,
куда, родимая, бежать?

IV

Он заметался... В храме было пусто.
Христос не разделял его сомнений
и страхов, а живительные слёзы
вскипели, но, увы, не пролились,
он не готов был...
сердце громыхало,
обидою щемило подреберье,
он кинулся в деревню, дальше, дальше
от мятых лиц и взглядов, от нужды
изображать спокойствие и бодрость,
но, выскочив на трассу, удивился,
что *быстро* ехать боле не способен,
так как привык за жизнь, он жал на тормоз
при виде встречных, он искал угрозу
за каждым поворотом и кустом,
он крался, дорожил собой, надеясь:
а вдруг всё бред, неправда или глупость,
а так со страху дёрнешься и вот он —
финал.

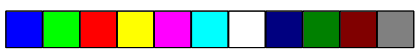

V

В усадьбе, на краю большого бора
он баню истопил, поставил чайник,
и порешил неделю отсидеться,
мол, чему быть, тому не миновать,
но нет его смятению покоя,
деревня любопытна и жестока,
всяк норовит заботой и советом
развевать свою скуку, он узнал,
что по его усадьбе ходят козы,
поскольку нет щеколды на калитке,
что не сложил поленницу как надо
и что забор завалится вот-вот,
а за его отсутствие, за месяц
уже не стало Сеньки-рыболова
и бабы Маши, и ещё Вахтанга...
один в Оби утоп средь бела дня,
другая у троих сынов обузой
быть не смогла, преставилась, а третий —
во всей округе главный генацвале,
ковбой грузинский, истинный хозяин,
в короткой перепалке с пастухом
за грудь схватился, рухнул и — поди ж ты,
вдова в слезах, а сто голов скота
ревут по стойлам.
Это ли не карма?

VI

Он, в лабиринте сна перемещаясь,
то над горами в залежах тумана,

то в глубине пещеры, чреве шахты,
где меж теней, в рассеянном луче
предчувствуется выход на поверхность,
то среди скал подводных, где рябое
над головой колеблется пятно,
блуждал, витал, мучительно надеясь,
что самочинно выйдет из ловушки,
но вмиг туман смыкался, и бросало
его на осыпь мокрую, катился
по скользкому курумнику, а следом
вдруг упирался рёбрами в тупик
сырого подземелья, наконец,
он вынырнуть пытался, но за ноги
цеплялись, как лианы оплетая,
прилипчивые водоросли, Боже,
он с этим словом, кажется, проснулся:
«Я снова жив, я есть! Надолго ли?».

VII

Над голограммой облака в заливе
два гоголя тишайше проплывали,
мой визави устал бродить по бору,
по берегу, где каменный карьер
оставил битый мрамор и железо,
изломанное бурями эпохи,
Империя подлеском зарастала,
да утопал Горыныча скелет
в чаду бурьяна и чертополоха,
земля свои зализывала раны
сперва дурной травой, потом подростом...

ворона глянет через тридцать лет —
и следа нет срамного динозавра,
и мы, его рабы, повымирили,
одна лишь равнодушная природа,
увы, увы, без Пушкина уже.

VIII

И в шелесте листвы, и в шуме леса
есть память о морском происхожденье,
волнующая память; он вернулся
почти что убаюкан, во дворе
ходили куры во главе с горластым
и по-гусарски важным ухажёром,
герой мой захотел поесть, конфорка
фиалкой газа вспыхнула, вода
чуть розовым от косточки бараньей
окрасилась, он луковицу бросил,
убавил пламя и решил картохи
с полдюжины из подпола достать,
откинул крышку лаза, обнаружил
привязанную к лестнице верёвку,
подумал, э-э, друзья понаследили,
уже с неделю как тому назад
они гостили в доме, пировали,
удачную рыбалку обмывая,
тогда же, ну, как раз об эту пору
(он вспомнил!) по мобильнику звонил
Димитрий, говорил, что всё закрыли,
что ключ в условном месте, что одно лишь
всех огорчает: не смогли осилить,

уехали, а в подполе, на дне —
решётка-гриль с остатками улова,
с десяток — и подъязки, и сорога,
спустили вниз, но в спешке позабыли,
боялись — не успеют на паром.

IX

Души наоборот не существует,
её изнанки лучше бы не ведать,
тяни же за верёвочку, дружнице,
и столькое откроется...
он ждал
подобного чего-то, но увидев
на месте рыбы — только копошеньё
червей могильных, облако распада,
лицо Горгоны, тлена белый шум,
он чуть не закричал,
их были тыщи,
они ползли, клубились, осыпались:
ужели дух покинул нас, ужели
всё кончится вот так и навсегда?
где сети ваши, кто меня уловит,
кто сохранит для смысла и молитвы,
вы были рыбаками в Галилее,
заведомые Пётр и Андрей,
хлеба там стали телом и пролилось
вино живую кровью, рыбы стали
нетленным знаком жизни — эти мысли
герой навряд ли складно изложить
тогда б сумел, но близкие терзанья

испытывал, пока улов протухший
и пожранный опарышем до праха,
выбрасывал... и чистил дом и сени,
дрожа от омерзенья и стыда.

Х

Увы, его деревня доконала
той неизменной бунинскою правдой
и простотою смерти, он сбежал,
не выдержав назначенного срока,
всё чудилось слепое копошеньё,
всё представлялось, что уже под кожей
та толчея гниенья началась,
нервишки дребезжали, но не стало
ни страха, ни тупого береженья
себя родного, он погнал машину
чуть резко, но уверенно... Ордынск
с паромной переправой — скрывался
в дали зеркал, всё больше умаляясь,
часовня Заволокина мелькнула
и мост, где он погиб, помилуй Бог,
и дальше сотню вёрст за час неполный
он одолел, тихонько напевая,
мол, «выхожу один я на дорогу»,
а дома глухо запил,
никому
и ничего впотьмах не объясняя,
перебирая ощупью былое,
быть может, полагая —
будет проще
переходить из морока во мрак.

XI

Но на седьмые сутки от исхода
он вынырнул — глубоких погружений
с ним не случилось, только в мелкой луже —
на грани сна и полузабытья,
где память и сознание не размыты,
а действуют в немом оцепененье
и подмечают: что же происходит
во мнимых иль невидимых мирах...
он вынырнул ещё хмельной и вялый,
но с радостным одним воспоминаньем,
видением — реальнее и ближе
всего, что под рукой и за окном,
он *там* от умиления и света
почти что растворился и растаял,
и непонятно — женщина ли ангел,
кто излучал такую благодать?
он был ещё пронизан и напоен
всем этим, словно тело изменилось
и стало лёгким, он запомнил запах —
там каждый звук и луч мироточил,
и странно, что, очнувшись, он всё также
улавливал его, как будто тело
воссоздало молекулы и токи
сего благоуханья, он поднёс
к лицу ладони и вдохнул, и долго
кружил в залитом золотом пространстве,
где лишь покой и музыка венчанья...
и он заплакал тихо и светло.

XII

Дотла, до дна... и мгла золою стала,
ни проблеска, а путь лежит далёко,
померкли звёзды, и песок пролился,
и — ничего исправить не дано;
всё это сказки тронутых поэтов
и дервишей бродячих, никакого
раскаянья не хватит, чтоб исправить
нажитое за глупые года,
не искупить ни страхов, ни сомнений,
ни мерзостей, и, вряд ли в одночасье
простишь (когда за жизнь не научился)
обиды, оскорбленья и зlob?...

тревога оккупировала полночь,
тревогою немеркнувшей и жгучей,
как дверью луч в зашторенной квартире,
щемило грудь, он вспомнил о любви,
о той последней, горькой, неизбытой,
о той одной, которая навеки,
и что-то вдруг, как птаха, заметалось,
затрепетало, словно о стекло
душа его невидимая билась,
ну, вот и всё, он весело подумал:
я не успел, как прежде, отшутиться
на полную катушку... по ногам
сначала стужей дунуло, а следом
колеблемая тьма возликовала,
и до груди прибойными волнами

вновь докатился хлад небытия,
он вышел на балкон — к ночному небу,
уже в гортань выпрыгивало сердце:
на всё, на всё твоя Господня воля,
за всё, за всё готов держать ответ...
и трижды! разрушительным цунами
он сокрушён был, смят и исковеркан,
и схлынуло, и следом наступило —
прощение, покой и тишина...

Эпилог

Не верьте байкам, опусам и бредням
всех, отягчённых страстью и талантом,
они готовы собственную гибель
изобразить в пророческих тонах,
рассказанное здесь — имеет место
быть иль не быть, кому какое дело,
а грани между вымыслом и правдой
и не существовало на земле.

*Ноябрь 2005,
Новосибирск*

ЛЮДИ ЛЬДА

поэма

I

За перевалом Громотуха — уж двести лет одна житуха,
Не любят пришлых и чужих.
С околоземной верхотуры светла долина, горы хмуры,
А белый свет — от сих до сих:

От той гряды, где чернь и золото, до двух хребтов у горизонта,
Что в синей дымке залегли,
Даль ограждённая, ковчежная, заветная и неизбежная,
Как сон затерянной земли.

По берегам заимки летние, курят, отпугивая слепней,
Дыша овчиной и кирзой,
И от становий вдоль покоса рябит на перекатах Кокса,
Высверкивая бирюзой.

Притормози, ослабь поводья, вот створ и своды Беловодья,
Странноприимные места,
Раскольники, переселенцы хвалили этот *сад зелёный*
Во славу Господа Христа.

Буддисты и несториане, баптисты, суфьи-мусульмане
И пилигримы всех мастей
Брели сюда, в огне и в духе, чтоб у подножия Белухи
Увидеть свет благих вестей.

Но здешний быт суров и сдержан: ойротский глаз,
кержацкий стержень
И неуступчивый язык.
Винтарь, топор, седло УАЗа, императрица Указа
Слова про вольный материк.

Не изумись на повороте! Здесь не Лучано Паваротти,
А только небо и вода,
И горы в ангельском обличе поют Отцовское величие...
Странноприимные места.

II

Когда по лету все отары, под звоны, крики, тары-бары,
Мы угоняем на верхи,
То там — лицом перед гольцами, неделями и месяцами
В безлюдье вязнут пастухи.

Тот мир пустынен и просторен. Для человека не проторен
Ледовый путь через кордон,
Жить в окруженье стражи вечной да бессловесности овечьей
От века Авель обречён.

Ни чем не скрасишь полногласной и безответной, и напрасной
Всё поглотившей тишины,
Молчит луна, молчат собаки, молчат таинственные знаки
Во лбу базальтовой стены.

И только чайник забормочет, задребезжит и заклоочет
Над дровядным очагом,
Да о премьерe «Баязета» вдруг явится лоскут газеты
Под мяса вяленным куском.

И там, в груди, у заболони, и защежит, и захолонет,
И не отпустит ни на миг,
Душа запросится в долины — на пир, на той, на именины,
На женский смех, на детский крик.

Но только духи, только духи, как полумёртвые старухи,
Кудель сомненья и тоски
Растеребят, рыдая, ночью, на клочья сна, на веры клочья,
На жуть, давящую в виски.

И примерещится... и выйдут наружу видимые виды,
Высокогорий чудеса:
То едущий по небу витязь, то столп огня, то звёздный выброс,
То призраки, то голоса...

III

Как розы зев, вершина шает и свет до бездны возвышает,
И одиночеством гнетёт.
Сюда, к подножию, на склоны, бредут паломники и клоны,
Разнокалиберный народ.

Туристы и сноубордисты, сенсеи, маги, рерихисты,
Чья страсть азартна и слепа,
Ловцы тарелок, контактёры, расстриги, вечные актёры,
Разноплеменная толпа.

Они у алтаря Природы поют и водят хороводы,
Рисуют мандалы у скал,
Уже в любое время года всё ищут в Шамбалу прохода
Ждут просветления накал.

Но вход зарёю навечерней, как огненным мечом очерчен,
Что у Привратника в руке,
Никто со дня грехопадения не усыпил его раденья,
Не был с Отцом накоротке.

Но, видно, близость тайны тайной по траектории фатальной
Иных начётников влечёт —
Услышать стук плодов в Эдеме, познать, одолевая время,
И вкус, и шорох вечных вод.

Наверх, по тропам, мимо стойбищ, мол, посвящённые достойны
Стать чашей для святых даров...
За поднебесными лугами, где высь одета ледниками,
Найти себе последний кров.

Ввиду алмазного сиянья, они, как Будды изваянья,
Садятся лотосом живым
И замерзают отрешённо, восторженно, заворожено,
Пред ангелом сторожевым.

IV

А по весне, под новым солнцем, когда по осыпям несётся
Рек новорожденных поток,
И до Студёна океана со льдов Алтая и Саяна
Катится вниз живой клубок,

Когда у скальных оснований в черте земных обетований
Уже проталины цветут,
Тогда из ледяной природы выходят мертвецов скульптуры,
Себя оставившие тут.

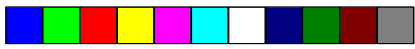
Лукавому отдавшись духу, как будто стерегут Белуху
Окоченевшие тела,
В них замерли в немом значенье — перерождения мученья
И тайнознанья кабала.

На них наткнувшись волки воют, их огибает всё живое,
Крик вертолётчика с небес
Их древним матом покрывает, и ничего не согревает
Упокоенья веры без.

Лишь пастухи по милосердью при столкновении со смертью
Над брэнной тенью возведут
Каменногорбые курганы, и медногорлые варганы
Те погребенья отпоют.

И всё останется как было, когда лишь Авеля любила
Медоточивая земля,
Опять по кругу, по теченью, солнцеворотному верченью —
Творенья и любви для.

И дльщийся, как день воскресный, вершины облик
поднебесный
В потоке белого луча
Останется тоской свиданья — как перед образом созданья
Неугасимая свеча.

Эпилог

Я не успею оглянуться, душе захочется вернуться
И посетить, и облетать
Стоянки, юрты и заимки, и золотые фотоснимки
В себе самой перелистать.

И вдоль излучины долины полёт наклонно-соколиный,
Играя с ветром, повторить
В восторге непереводимом... И с аксакалом нелюдимым
У очага поговорить.

Не гор пустынная граница, а только лица, только лица —
Народ у самой кромки льдов!
Души потерянной отрада — не люди льда, а люди сада:
Травы, деревьев и цветов.

*23 марта 2006,
Новосибирск*

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие (<i>Юрий Кублановский</i>)	4
--	---

Часть I

«Я вернулся, я вышел на старый путь...»

«В пимах, в полущубке раскрытом...»	6
«Грошика, медного грошика...»	7
«На берегу обезлюденном...»	8
«Ты купишь мне цветущий цикламен...»	9
«Меж рам заплутавшая муха...»	10
Аристей	11
«Если есть под рукою песок и зола...»	12
Песенка маме	13
«Не сочиняй, не придумывай, просто смотри...»	15
В горах	16
«Обнажённый песок...»	17
«На Большом Яломане вдоль русла лёд...»	19
«Я уже устал от кока-колы...»	20
«Где говорят на русском языке...»	21
«Утробное ничтожество моё...»	22
Кафе «Пушкин»	23

Часть II

«И я мелькну над радостным покоем...»

«Рахмат — судьбе, а времени — welcome...»	26
«Бродить среди скал...»	27
«Чёрные птицы над Обью...»	28
«Золоторогим пельменем луна взошла над Ильгуменем...»	29
«А станционный смотритель...»	30
Маруся	32
Хабаровск — Москва, 14 февраля 2007	34
Местоимение	36
Ретро-песенка	37
«Поздно, братец мой, мне быть альфонсом...»	39
«По Телецкому озеру...»	40
На дебаркадере	41
Синичья смерть	42

Часть III «А я любил и плакал о судьбе...»

«Чурай, душа, червовой страсти миг...»	44
«О, период нежнейший, беспамятный, моретворящий...»	45
Из Кириши Данилова	46
«Колодезного холода бадьа...»	48
Деревá в объятых снегопада	49
«За дощатой, просящей пощады...»	50
«Не журишь, Емеля-дуралей...»	51
«Наливала стакан молока...»	53
Девушка с плеером	55
«Ангел мой...»	56
«Мягкие, вялые, тёплые губы...»	57
«Кошки серы. Музы глухи...»	58
Воспоминанье об Эдварде Мунке	59
«Парусами сизыми сырыми...»	60
«Слепок облака в озере парусном...»	62
Сердце-облако	64

Часть IV «Вот войска мои победные...»

«Мне говорил, рубя берёзу...»	66
Землетрясение	68
«Залив Таманский пепелен и нем...»	70
«Снова коровы ревут...»	71
Два чёрных вороны	72
Сказка	74
«На берегу Адриатики...»	76
Parnassius apollo	77
Луковки	79
«И след за кормою...»	81

Часть V «И я друзей в корзины собираю...»

«По темпу, по тембру, по трембу ли...»	84
«Андре, Андрияха, Андреас, Андрон...»	86
«Друг задремал...»	89
«Тыкву потяну за оселедец...»	91
«Из подъезда — морозный пар...»	94
«Когда бы не кочевний бег...»	96
«Слог возвышенный исправя...»	97
В переулке рыжего Парижа	98

«То ли гарпии, то ли сирены...»	100
«Из Лондона, как из подводной лодки...»	102
«Караванчик, караванчик...»	104
«Ёксель-моксель или гоголь-моголь...»	106

Часть VI

«Уж коли взял меня в поводыри...»

«Червяк дождевой поселился под стелькой ботинка...»	108
Белый старец	109
Из горняцкого детства	114
На веранде	115
«Ещё задолго до Дельфийского оракула...»	117
«Весь январь в Сибири минус три...»	118
«Через полночную страну...»	119
«И вновь собеседника нет у меня...»	121
Будьте прохожими	122
«Рыжий коршун круги нарезает...»	123
Преображение	124
«Не добрался я до Бари...»	125
«Этот дождь продолжается дольше, чем помнит душа...»	126

Часть VII

Баллады, поэмы, повести странствий

Баллада о молодом генерале	128
Соглядатай	138
Ильмовая падь	147
Сухой колодец	159
Великая Суббота	164
Призрак Селенгинска	170
Кызыл-Джар	173
Крест	180
Люди льда	198

Берязев Владимир Алексеевич

АНГЕЛ РАССТОЯНИЯ

Редактор и составитель *Павел Крючков*

Художник *В.Н. Савин*

В оформлении использована графика С. Дыкова

Сдано в набор 04.11.2008 г. Подписано в печать 04.12.2008 г. Формат 70х108/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Тираж 1000 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии

